

Георгий Юдин

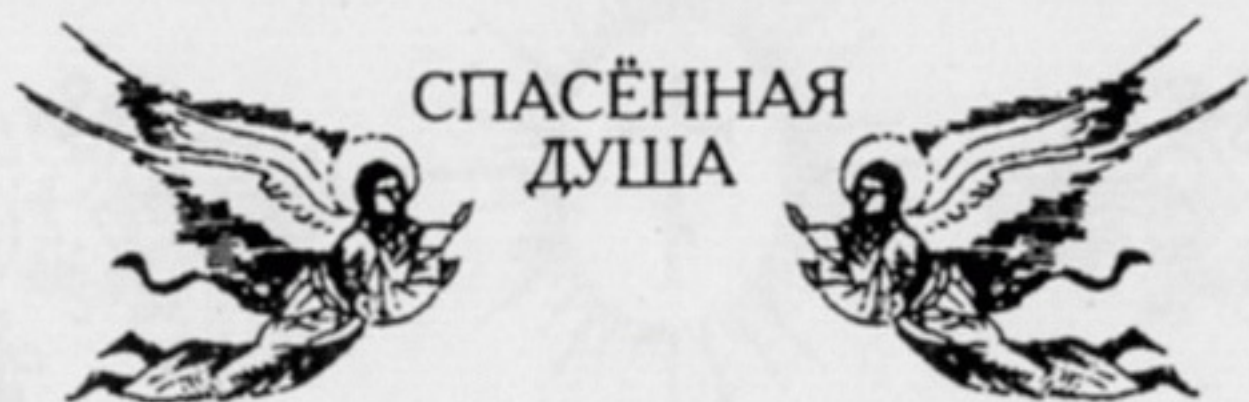
СПАСЕННАЯ ДУША

Рассказы ❧ Сказки ❧ Притчи

Св. АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

ГЕОРГИЙ ЮДИН

СВЯТЫЙ
ДУША

РАССКАЗЫ
СКАЗКИ
ПРИТЧИ

Удостоверенный перевод с английского языка

Полтавской редакцией

Святого Писания

и Миссии в России

1902

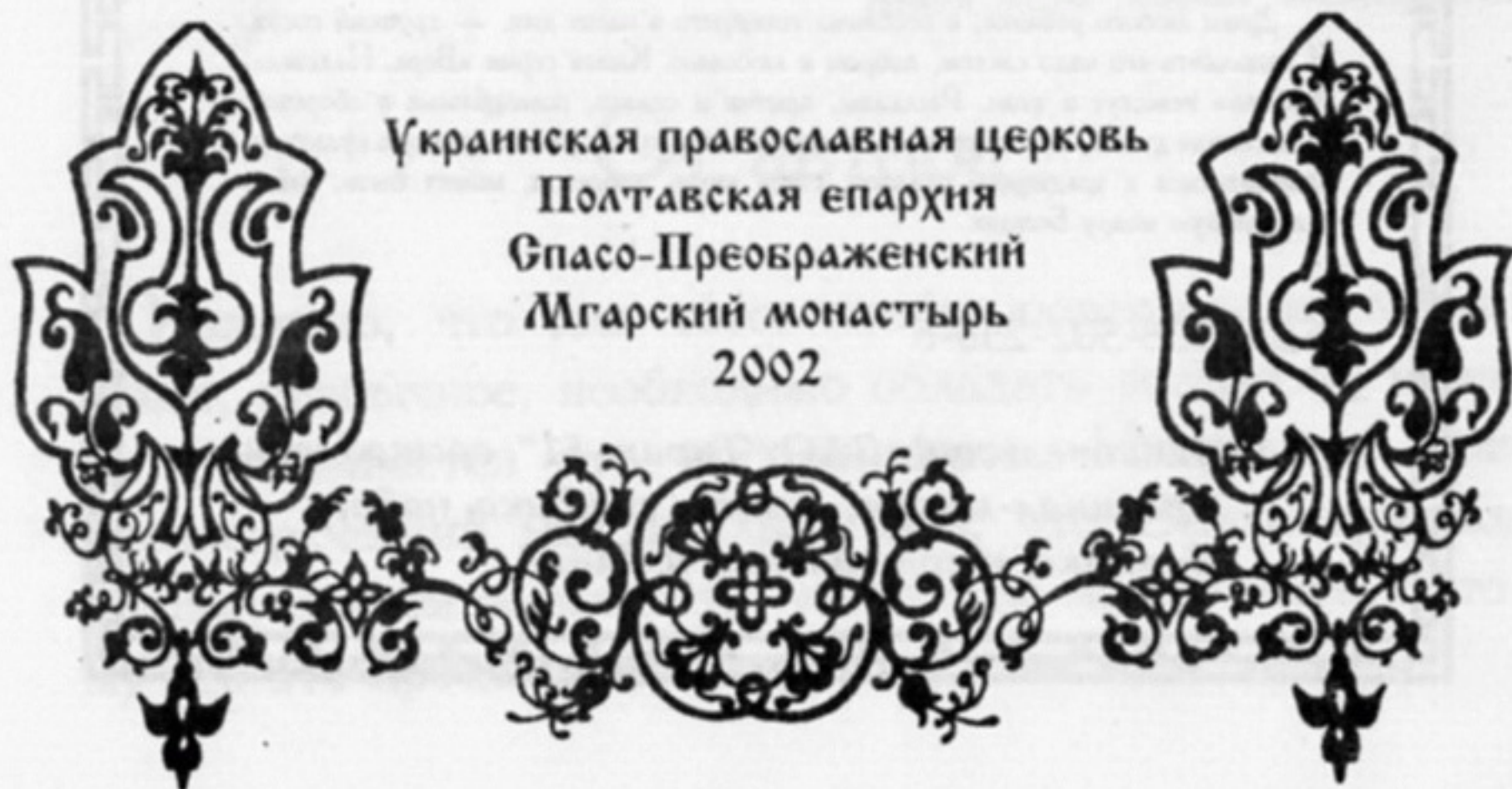

ГЕОРГИЙ ЮДИН

СПАСЕННАЯ ДУША

РАССКАЗЫ
СКАЗКИ
ПРИТЧИ

Украинская православная церковь
Полтавская епархия
Спасо-Преображенский
Мгарский монастырь
2002

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II

УДК 244
ББК 86.37-5
Ю 16

РУСЬ СВЯТАЯ,
ХРАНИ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ,
В НЕЙ ЖЕ ТЕБЕ УТВЕРЖДЕНИЕ!

Выпуск осуществлен издательством
ЗАО "Тираж-51", г.Краматорск,
ул.Орджоникидзе 10/4.

Душа любого ребёнка, и особенно живущего в наши дни, — хрупкий сосуд. И заполнить его надо светом, добром и любовью. Книги серии «Вера. Надежда. Любовь» помогут в этом. Рассказы, притчи и сказки, помещённые в сборнике «Спасённая душа», позволят маленькому человеку лучше узнать русскую культуру, приблизиться к традициям предков, стать чище, добрее и, может быть, найти благодатную искру Божью.

ISBN 966-302-256-6

© Издательство ЗАО "Тираж-51", составление,
оригинал-макет, дизайн, графика, набор,
верстка, изготовление, издание.

Моей жене Марии посвящается

От автора

Известно, что для того, чтобы поверить во что-то новое, необычное, необходимо обладать знаниями, иначе ум отказывается это воспринимать. Например, один древнегреческий мыслитель, узнав, что Земля круглая, с возмущением воскликнул: «Этого не может быть, потому что это противоречит здравому смыслу!»

В самом деле, не обладая необходимыми знаниями, трудно себе представить, как это можно ходить по шару и не падать и как это Земля свободно летает в космосе, а не лежит на твёрдой опоре — китах.

Эта книга тоже требует определённой подготовки и духовных знаний. Очень трудно читать о чудесах Богородицы, не зная, кто Она такая, откуда в Ней бесконечное милосердие и любовь ко всем без исключения: бедным и богатым, больным и здоровым, негодьям и праведникам. Возможно, после прочтения этой книги у читателей возникнет желание побольше узнать о реально живших на земле Богородице, сыне Её Иисусе Христе, святых апостолах и старцах, об их необыкновенных духовных подвигах, об исцелении ими безнадежно больных и воскрешении из мёртвых, о чудесах, творимых ими как при жизни, так и после смерти.

Все чудеса, бывшие и происходящие до сих пор, подробно описаны в Святых книгах и летописях, и мы не должны сомневаться в их достоверности, потому что свидетелями этих чудес были честнейшие и достойнейшие люди.

Несколько раз являлась Пресвятая Богородица одному из великих русских святых Серафиму Саровскому. Святой Сергей Радонежский после своей кончины дважды являлся во сне купцу Минину с требованием поднимать народ против засевших в Москве поляков. Многие защитники Троице-Сергиевой лавры видели Сергия

на стенах монастыря во время безуспешной осады его поляками. Разве не чудо, что фашисты не вошли в Москву, стоя в двадцати километрах от неё, после того, как самолёт с иконой Божьей Матери трижды облетел нашу столицу? Разве случайное совпадение, что конец войны совпал с днём славного воина, святого Георгия Победоносца?

Невероятной новостью для многих из вас станет то, что былинный богатырь Илья Муромец не выдуман народом, а реально жил в XII веке, и мощи его до сих пор нетленно покоятся в Киево-Печерской лавре. Недавно эти мощи были внимательно изучены, и оказалось, что Илья страдал неизлечимой болезнью позвоночника, которая и приковала его на долгие годы к скамье.

Со многими из вас наверняка происходили удивительные, необъяснимые истории, которым вы не придали значения или объяснили чудо случайностью или совпадением.

Да, чудеса опровергают законы природы и тем самым служат доказательством существования Бога, создавшего саму природу. Со мной, автором этой книги, тоже происходили чудеса, которые я бережно храню в своём сердце, и благодарю Бога за то, что Он даровал мне их.

Разные науки изучаются в школе, их так много, что начинаешь недоумевать: зачем мне эта математика, химия,

литература, если я хочу стать шофёром? Не следует забывать, что, кем бы вы ни стали, полнота знаний никогда не будет лишней. Именно они, знания, делают человека личностью, а личность никак не может обойтись без души. Однако без добрых дел и духовной пищи душа, увы, мертва.

Тридцать лет и три года (Илья Муромец)

Лето 6508 от сотворения мира, год 1010 от Рождества Христова

«Великий князь киевский Владимир, креститель Руси, дабы укрепить свою власть и величие по всей Русской земле, повелел двенадцати сыновьям своим сесть князьями в двенадцати великих городах. Князю Борису отдал Ростов, а князю Глебу град Муром.

И когда пришёл Глеб ко граду Мурому, то неверные и жестокие язычники, жившие там, не приняли его к себе на княжение и не крестились, а сопротивлялись ему. Он же, не гневясь на них, отъехал от города на реку Ишню и там пребывал.

По смерти же великого князя Владимира в лето 6523 (год 1015) на княжение в Киеве не по чину сел окаянный Святополк, пасынок Владимира. В тот же день дьявол, исконный враг всего доброго, вселился в Святополка и внушил ему перебить всех братьев, всех наследников отца своего.

Отверз Святополк скверные уста и вскричал злобным голосом своей дружине: «Идите тайно и где встретите брата моего Бориса, убейте его!»

И они обещали ему и, найдя князя Бориса в своём стане на реке Альте, ворвались в шатёр и безжалостно пронзили тело святого копьями.

Поганый же змей, злосмradный сатана, стал подстрекать окаянного Святополка на большее злодеяние. И послал Святополк своих слуг, безжалостных убийц, к юному князю Глебу, и, как ни молил князь не губить его безвинной жизни, были они глухи.

Тогда, преклонив колена, взглянул Глеб на убийц со слезами и кротко молвил: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы». И, по приказу треклятого Горясера, повар Глебов, по имени Торчин, выхватил нож и блаженного зарезал, как агнца непорочного и невинного.

Было это в 5 день месяца сентября».

Злосмradный змей, от Адама и Евы чинящий зло людям, учуял своим поганым нутром, что под древним городом Муромом, в селе Карачарове, у простых родителей родился чудо-мальчик, будущий сильномогучий богатырь Илья Муромец.

Затрепетал, затрясся змей, завертелся от страха на своём свёрнутом в кольца хвосте. Ведь силой, данной ему самим сатаной, мог он видеть вперёд, через многие годы, что малец этот родился ему на погибель.

— Изведу-у-у!! Огнём спалю-у-у! Пепел в лапе сожму и над пучиной морской раз-звею-у-у! — завывал от ужаса и злобы поганый змей, когда со свистом мчался по небу к Мурому.

Муромский люд, в язычестве живущий, боязливо косился на мрачное небо и испуганно бормотал:

— Эка туча, невиданна, страшна, сиза и огромна, наш град под себя подминает. Заслони нас, Стрибог, от Перуновых огненных стрел! — И по избам, топоча лаптями, зайцами упрыгали.

Немногие же христиане Бога о пощаде молили, и услышал Господь их молитву. Зарокотал с небес и обрушил на землю такой страшный, тяжкий гром, что из Оки рыбацкие ладьи на берег выбросило. И тотчас синие молнии ярко вспыхнули и затрепетали в мрачной утробе тучи. То Божьи Ангелы с гневом на дьявола глянули.

Муромский народ с перепугу окна-двери наглухо захлопнул, на дубовые засовы ворота заложил, порошние вёдра, бадьи и горшки вверх дном перевернул, чтобы в них черти от Божьего гнева не юркнули.

А младенца Илюши изба незатворенной осталась. Отец на покосе был, а мать пелёнки в Оке полоскала и видела, как сверкающие молнии разорвали зловещую тучу на тысячи кусков и один сгусток тьмы пал вниз и чёрным вороном стремительно влетел в открытую избу.

Охнула Ефросинья, уронила в реку полосканье и, не чуя под собой ног, побежала к дому, а из горницы, чуть не

опрокинув её наземь, злосмradный змей с шумом вон вылетел.

Дрожащими от страха руками схватилась Ефросинья за зыбку и увидела, что нет в ней Илюши, а лежит он на полу в вышитой рубашонке, живой, но неподвижный и белый как мел...

С той поры как испортил Илью поганый змей, отнялись у него руки и ноги и не мог он ни ходить, ни лёгкой работы рукам дать, а только сидел на лавке и с великой тоской молча в пол глядел. В первые годы матушка с батюшкой чем только его не лечили, какими травами горькими не поили, а всё напрасно.

Чёрными ночами на коленях молила Ефросинья молчаливого Бога:

— Боже! Создатель всех тварей. Ты содеял меня достойной быть матерью семейства. Благодать Твоя даровала мне сына, и я дерзаю сказать: «Он Твой, Господи!», потому что Ты даровал ему бытие и оживотворил его душою бессмертною.

Судья Праведный, наказывающий детей за грехи родителей до третьего и четвёртого рода, отврати такую кару от сына моего, не наказывай его за грехи мои, но окропи его росой благодати и святости. Карай его, но и милуй, направляй на путь, благоутробный Тебе, но не отвергай его от лица Твоего!

Да ходит Ангел Твой с ним и сохранит его от всякого несчастья.

А однажды, отчаявшись и Бога-заступника забыв, привела ночью в избу столетнего колдуна-волхва. Люди боязливо о нём говорили, что он не только лечит, но и порчу навести может.

Пришёл ведун, позвякивая медными оберегами на груди, сумрачно, из-под нависших бровей глянул на бледную от страха Ефросинью и, ни слова не говоря, стал раскладывать на полу вокруг Илюшиной зыбки сушёных лягушек, ящериц, белые волчьи зубы, пахнувшие сладким дурманом сухие травы и тайные, волшебные порошки в чёрных мешочках.

Потом достал из-за пазухи жёлтую куриную лапу и, стуча ею по тёмным брёвнам избы, забормотал страшные заклинания, от которых две чёрные свечи на столе то внезапно вспыхивали, то вдруг гасли.

— Силою, мне данной самим Стрибогом, отыде, чёрная немочь, язва, порча, свербица, трясовица, от дому сего!

Силою, мне данной Даждьбогом, отыде, язва, порча, губительство, от дверей и от всех четырёх углов!

Нет вам здесь чести, места и покою! Выползайте из всех щелей дома этого и из тела младенца, смертоносные язвы, губительная ворожба и злая порча, и бегите отсюда в болотные топи, где ваш настоящий приют, и сгнить вам там и назад не воротиться!!

И так ведун распалился — в трясучку впал. Бельми бельмами в темноте, как филин ночной, сверкает, зубами клацает и плюётся во все углы.

У Ефросиньи от страха спина деревянной стала, и чудится ей, что и впрямь из всех щелей, извиваясь по-змеинному, какая-то скользкая нечисть повылазила. От ужаса шевельнуться не может, но когда осатаневший дед стал к Илюшеньке, завывая, подсакивать, опомнилась, выхватила мальчика из зыбки, выскочила в ночь и, не разбирая дороги, к тихой, доброй Оке побежала.

До самого рассвета, прижав к себе сына, ходила она взад и вперёд по берегу, вздрагивая и поёживаясь от пережитого страха и ночного холода. Когда же на взгорке дьяк в било ударил, перекрестилась и понесла сына в маленькую деревянную церковку. Здесь, на слёзной исповеди, всё без утайки отцу Власию поведала.

Он же сокрушённо качал головой, тяжело вздыхал и, крестясь, восклицал:

— Господи, грех-то какой! Да кто дал волхвам власть изгонять нечистого духа? Ведь это делал только Иисус Христос Своим словом и те, кого Он на это сподобил.

— Да ведь он, батюшка, какие-то особые молитвы шептал, сама слышала, — всхлипывала несчастная мать.

— Вот-вот! Молитвы ведунов не молитвы вовсе, а кощунство. Молитвы у нас все в церковных книгах записаны, а особых молитв нет. До каких же пор в язычестве пребывать будете? Худо, худо живёте, не ведаете Божеских книг и оттого не содрогаетесь. А вот

ежели плясцы и гудцы¹ зовут на игрище, то все туда бегут, радуясь, и весь тот день стоят там, позорясь.

Когда же зову вас в церковь, вы зевааете, чешетесь, потягиваетесь и речёте: «Дождь» или «Студёно». А на позорищах² и дождь, и ветер, и метель, но все радуются. В церкви же и сухо и безветрие, а не идёте — ленились.

Потом вздохнул и всем немногим, кто был в церкви, простил ведомые и неведомые грехи, а к Илюпиным губам осторожно крест приложил.

Эх, летят годки быстрыми птицами, кому в радость, а кому в тягость. Двадцатый год уж Илья сиднем в избе на лавке сидит.

А хорош-то собой, а в плечах могуч — любо-дорого поглядеть, но от немощных ног своих на весь белый свет осерчал. Слова лишнего из него не вытянешь, «да» и «нет» на все матушкины разговоры сквозь зубы еле вымолвит и опять сумрачно в угол усядется и глядит не мигая, будто там его беда затаилась.

Особенно неумоготу ему было, когда зимой, на Масленицу, буйные молодцы с другого берега Оки скатыва-

¹ Гудцы — скоморохи.

² Позорище — древнее название театрального действия.

лись с муромскими на кулачках биться. С весёлым хохотом всегда муромских били и с обидным свистом долго гнали по скользкому льду.

— Э-эх! Нет у наших ребят бойца-надёжи, опять, как щенят, пораскидали, — в сердцах бросал шапку об пол отец.

А Илья в своём углу каменным делался, будто ему шапку в лицо с укором бросили.

Сам-то Иван Тимофеич в молодые годы ровни себе по удали не знал. Одной рукой молодцов на снег сучать укладывал. Думал, и сын надёжей будет людям в ратном деле, а ему в трудном хозяйстве, да проклятый змей поперёк его мечты разлётся.

А на эту Масленицу ещё одна беда, как тяжкий воз с камнями, на Илью опрокинулась.

Приходила к ним иногда тихая, застенчивая девочка Улита. Такая ласковая была — то сладкой земляники Илюше из лесу в лопушке принесёт, то орехов, а то просто так придёт и скажет ему чисто по-детски:

— Я тебя, Илюша, жалеть пришла.

— Ну жалей, жалей, — усмехнётся Илья.

А Улита сядет рядом с ним на лавку, голову рукой побабьи подопрёт, губы подожмёт и молчит горестно. Илюшу жалеет. Потом встанет и скажет серьёзно-серьёзно, с верой:

— Дай тебе Бог здоровья и силушки, Илюша. — И степенно, до самой земли ему в пояс поклонится.

А косица-то её толстая всегда, как на грех, со спины через голову перекидывается и хлоп об пол!

Всю серьёзность портила.

Всегда после Улиты Илюшина душа будто от тёплого солнышка оттаивала, и не заметил, как стал ждать, когда ещё Улита жалеть придёт. Когда же она из девочки девушкой неожиданно стала, чуть не выл от тоски, бедный.

Ну вот, а на эту Масленицу пришли отец с матерью с шумного уличного веселья румяные, все в снегу и с порога Илюше, словно обухом по лбу:

— Слыхал? Улита наша под венец нынче идёт!

— Какая Улита? — не понял Илья.

— Да какая ж ещё? Аль забыл, кто тебе землянику в лопушке приносил?

— А... жених кто? — глухо спросил Илья.

— Да с того берега какой-то. Говорят, рыжий да конопатый, будто клопами засиженный. Одно слово — непутёвый. Да они там все такие.

— Кто ж меня теперь жалеть-то будет? — чуть слышно прошептал Илья.

— Как кто? — ахнула мать. — А мы с отцом не в счёт? А Господь? Он всех любит.

— Как же, «любит»!! — взревел вдруг Илья так страшно, что батюшка с матушкой, будто громом поражённые, на пол повалились. — Если Он меня так любит, за что же наказывает?! Двадцать лет я колода колодой! За какие грехи?! Если же Он без ви-

ны надо мной потешается, то и я Его из души вон вырву. И тут безумец, бесом ослеплённый, рванул с себя крест нательный и что есть мочи в дверь швырнул.

Испуганной ласточкой метнулся медный крестик с порванной бечёвкой и у самой двери вдруг замер в воздухе. Илья от этого чуда будто немой сделался, рот разевает, а слова в горле стоят. Отглянулся беспомощно на родителей своих, а они, сердечные, тихо, не шевелясь, на досках лежат, будто спящие.

— Ах, Илья, Илья! Вот до чего ты в печали своей дошёл, — вдруг невесть откуда раздался тихий голос.

— Кто здесь? — вздрогнул Илья.

И тотчас в том месте, где его крестик неподвижно застыл, воздух стал нежно-белым, как облачко на небе, а из облачка этого мягко шагнул к Илье чудный, светлый образом незнакомец. Высокий, стройный, лицо молодое, безусое ещё и нежное, будто девичье. Глаза тёмные, глубокие и печальные-печальные. Такие только у святых на иконах бывают да у великих страдальцев.

«Как же он сквозь запертую дверь-то прошёл? — молнией пронеслось в голове у Ильи. — А на шапке-то ни снежинки, а ведь метёт на дворе!»

И в самом деле, на чёрной княжеской шапке незнакомца, отороченной чёрной лисой, вместо снега искрились жемчужные узорочья. И на золотой княжеской мантии, наброшенной поверх багряного, цвета крови кафтана, снега тоже не было.

«Что за наваждение? — оторопело думал Илья. — Да кто ж это такой?»

— Я князь Глеб, — тихо молвил гость, — сын великого князя Владимира.

— Да быть того не может! Уже сто лет минуло, как Глеба Святополк окаянный убил!

Молодой князь отвёл левую руку с груди, и увидел Илья прямо под его сердцем страшную, смертную рану от широкого ножа.

— Ну, теперь веришь ли? — печально спросил мученик. — Видишь — убит я братом своим, но милостью Божьей вечной жизни удостоен и с тобой говорить могу.

— Да как же это? — поразился Илья. — Да за что мне милость такая — со святым говорить?!

— Трудно тебе, укрепить тебя пришёл... Знаешь ли ты, что твоё имя значит? Крепость Божия! А какая же ты крепость, ежели унынию поддался? Тяжкая это болезнь, начало злоумия. Вот уж и Бога корил.

— Да, корил, — набычился Илья, — и тебя вот, князь, спросить хочу. Ответь мне, если знаешь: за что меня Господь калекой сделал и к лавке пригвоздил?

— Никто не знает и никому не дано знать, почему Господь посылает ту или иную скорбь и несчастье, но думаю, что они посылаются по грехам нашим.

— Да какие же у меня, младенца, молоко ещё сосущего, грехи были?! — сжав кулаки, гневно крикнул Илья.

Князь внимательно посмотрел на него и тихо сказал:
— Быть может, Бог тебя от несотворённых грехов спасает. Видно, не на пользу было бы тебе здоровье.

— Каких таких несотворённых грехов?!

— Вспомни, как ты будто котёл со смолой кипящей клокотал, когда левобережные молодцы муромских на Оке били? Была б в твоих руках и ногах сила, ты бы, долго не раздумывая, сколько жизней почём зря загубил?

Илья сумрачно глянул на свои пудовые кулаки.

— А сегодня, — мягко продолжал Глеб, — что ты подумал о женихе Улиты?

— Я б его, сморчка, если б здоров был, по самые конопатые уши в землю вбил, — тяжело вздохнул Илья.

— Вот и ещё одну невинную душу загубил бы. Говорю тебе: в ком злоба и ярость — там прибежище сатаны, а в ком любовь, надежда и вера, в том Христос живёт. К тому лукавый не прикоснётся.

Утишился Илья, молчит.

— Не унывай много, — улыбнулся Глеб, — и наказания Господня не отвергай и не тяготись обличением Его. Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему.

Поднял Илья мокрое от слёз лицо, шепчет горестно:

— Нет мне теперь пощады от Него... Ведь увидел Он сверху, сквозь крышу, как я крест с груди сорвал...

— Милость Бога бесконечна. Апостол Пётр трижды от Него отрекался, но плакал горько, раскаялся и прощён был. И сейчас Христос невидимо стоит пред тобой и видит слёзы твои. Знай: прощён ты, и вот знак тому.

Раскрыл ладонь, и к Илье тихо, словно перо по воде, поплыл медный крестик, бесшумно скользнул за ворот холщовой рубахи, а порванная бечева сама собой новым узлом завязалась.

Торопливо, будто щитом, накрыл Илья широкой ладонью маленький, тёплый крестик, а князь ласково сказал:

— Помни, Илья, что ты — Крепость Божья, а посему верь и молись, и обязательно услышит тебя Господь, и исцелён будешь.

«А когда?» — простодушно хотел было спросить Илья, но вместо князя опять белоснежное облачко за клубилось и медленно растаяло...

Долго неподвижно глядел перед собой Илья, и глаза его уже были не тоскливые, как болотные топи, а как родники чистые, а мысли высоко в зимнем небе белыми-белыми голубями летали. Когда же очнулся и глянул на родителей своих, понял, что не видели и не слышали они этого чуда, а лежат себе на полу, как во сне.

— А чего это вы, родимые, посреди избы разлеглись? — улыбнулся Илья.

Открыли они глаза, моргают, как спросонья.

— Да сами, Илюшенька, не знаем... Упали чего-то и лежим вот себе, будто дурни праздные, — задумчиво

поглаживает бороду Иван Тимофеич и на жену искоса хитро щурится.

А она вдруг молодой зарделась, прыснула, и давай оба, на полу лёжа, хохотать и локтями друг дружку подталкивать. Илья, на них глядя, первый раз за двадцать лет так громовидно хохотал, что в самую преисподнюю смех его ворвался и окаянного змея будто кипятком ошпарил.

Когда гордая воля больного, озлобленного Ильи пала и смирилась душа его пред Христом, понял он, что должен безропотно нести крест недуга своего. Никто более не слышал от него ни слова упрёка, никто более не видел сумрачного взгляда.

Не только Илья и родители его в терпении своём очищались духом, но и многие другие как в Муроме, так и окрест, глядя на них, учились терпеть скорби.

Раньше, когда не спалось Илье, сидел он, опустив голову на грудь, а в голове этой ворочались тяжёлые, тоскливые мысли о своей бесполезной и никому не нужной жизни: «Мухи и те нужны, чтоб воробьи да синицы кормились, а я — только чтоб хлеб в навоз перемалывать». Сейчас же глядел с любопытством в ночное оконце и уж не о себе горестно думал, а обо всём огромном Божьем мире: «День землёй красен, а ночь — небом. Красота-то какая! И впрямь небо — терем Божий, а звёзды — окна его. Из них небось сейчас Ангелы выглядывают и подмечают, кто чего здесь творит, и перед Господом за каждого ответ держат. И мой где-нибудь в сторонке стоит...»

И незаметно для себя начинал тихонько молиться:

— Ангел мой хранитель, данный мне от Бога в охранение, внуши мне удаление от скуки и уныния, да не внемлю я гнилым беседам, да не послушаю людей пустых, да не совратят меня с пути дурные примеры и безумные помыслы...

И, будто младенец, спокойно, с чистой душой засыпая, думал: «Эх, кабы все православные знали, как ночная молитва легко на небо долетает, не храпели бы сейчас по лавкам. Днём-то ведь сколько тыщ молитв, толкаясь, к Богу летят!» А за семьсот лет до Ильи святитель Златоуст так об этом сказал:

«Встань ночью и посмотри на ход звёзд, на глубокую тишину, на великое безмолвие и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает легче и бодрее и может воспарять и возноситься горе. Самый мрак и совершенное безмолвие много располагают к умилению.

Преклони же колена, воздохни и моли Господа твоего быть милостивым к тебе. Он особенно преклоняется на милость ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача».

И днём Илья не переставал удивляться: как же он раньше-то не замечал вокруг столько красоты? И чем пристальней и любопытней разглядывал он Божий мир, тем радостней и интересней было жить в нём.

Как-то постепенно перестал сравнивать себя с мёртвой колодой, а всё больше с маленьким, живым листиком

среди тысяч других из густой зелёной кроны скромного, но крепкого дерева именем Русь.

Круглый год, изо дня в день, русичи, живущие плодами доброй, тёплой земли, внимательно, как послушные дети, слушали и запоминали всё, чему учила их заботливая Мать-природа.

А учила она их вот чему.

В декабре, когда холодная зима, встав на ноги, белым волком носилась по миру и мертвила его своими стылыми, острыми зубами, надо было подмечать: много ли зима инею насыпала, высоки ли сугробы надула, глубоко ли землю проморозила — всё это к урожаю. Если же в конце декабря небо звездисто — народится много телят, ягнят, жеребят, ягод и гороху.

Но как бы зима ни лютвала, ни стучала ледяной палкой по крышам, на Светлое Рождество Христово зажигались в домах свечи, и людские души от бед оттаивали.

В феврале, после зимнего солнцеворота, солнышко начинает мало-помалу осиливать зимних духов и прибавлять день на куриный шаг. Бокогрей пришёл, — жмурится на солнышко матушка, — корове бок нагрел.

Март-свистун ветряной откуда подует, оттуда всё лето дуть будет. Теперь надо горластых грачей ждать. Если полетят они прямо на гнёзда — дружная весна будет.

— Глянь-ка, Илюша, святые ласточки домой воротились, — перекрестилась Ефросинья.

— А почему святые-то?

— Разве не знаешь? Божья это птица. Где она поселится, тому дому благословение и счастье.

— А наша изба им ни разу не глянулась... Может, на этот раз погостят?

Но и в эту весну не для каждой избы Господь ласточек послал.

А вот уж апрель — зажги снега, заиграй вражки, сипит да дует, дело бабам сулит, а мужик глядит, что-то будет.

Матушка вся в заботах, куличи печёт и яйца красит. Скоро для всего христианского мира праздников праздник придёт, день, когда распятый Христос, смертью смерть поправ, воскрес из мёртвых.

В Чистый четверг, день перед распятием, всем надо в бане попариться, смыть свои грехи и после всенощной службы принести из церкви горящие свечи и выжечь святым огнём кресты на дверях и потолках своих домов.

— Этот святой крест, Илюша, для сатаны и злых духов — смерть смертная, — перекрестилась Ефросинья, а про себя горестно подумала: «Эх, кабы я это до Илюшиного рождения знала, не сунулся бы сюда змей окаянный и не испортил бы сына моего...»

— А правда ли, что Христос воскресший сейчас по земле ходит?

— Истинная правда, Илюша, — широко и торжественно перекрестился отец, — а сатана, враг рода человеческого, до самого Вознесения Христова в аду ничком от страха будет лежать и не шелохнётся.

— А вдруг Христос к нам придёт? — тихо спросил Илья.

— Что ты, Господь с тобой! — испуганно вскочили с лавки отец с матерью. — Слова-то какие дерзостные говоришь! А дерзость страх Божий из души изгоняет.

— Да чего вы испугались-то? — удивился Илья.

— Ага, «чего»! — рассердился отец. — Ну, придёт Он, положим, глянет на нас, убогих, светлыми очами и скажет строго: «Вот вы где, грешники, тараканами затаились! А ну, выходи на суд!»

— Да какие же вы грешники? — удивился Илья. — Не убили, не украли, никого не обманули.

— Что ты, что ты, Илюша! — машет руками мать. — Безгрешен только Бог и Ангелы Его. Мы же грехами, как куры перьями, утыканы.

А вот уж кукушки и сизые галочки в дремучий муромский лес прилетели. Пробудили своими криками небесного Илью Пророка и отдали ему райские ключи. Седой Илья, громыхая, отпер ими небо, и хлынули на землю майские дожди. Живая эта вода смыла и утопила с лица земли всё злое, мерзкое, греховное и напоила её божественной влагой.

И вновь, как в первый день создания, стала земля молодой, пахнувшей травами красавицей. Видно, не даром при крещении людей в Святую воду окунают. Только она сможет смыть с души все прежние грехи и возродить к новой, чистой жизни.

В начале мая, оглушённый пением тысяч невидимых в ночи соловьёв, Илья, блаженно зажмурившись, думал: «Нет, ни в заморских странах, ни в славном Киеве таких певцов не слышали. Только в Муроме такая радость живёт».

А вот уж лягушка квачет — овёс скачет, комары зазвенели, скоро огурцы сеять. Вокруг Муромы нежно-зелёные ковры расстелились.

— И муравы такой духовитой нигде нет, — выглядывает в отворенную дверь Илья, — не даром, видать, Муром наш Муромом назвали.

Лето в зелёном сарафане по весенним разливам на челноке приплыло. Святая Троица тихо с неба спустилась, и теперь все три богоносных Ангела в каждом доме незримо за столом отдыхают.

Кузнечики на жару расцокались. Всем лето пригоже, да макушка тяжела. Скотина, задрав хвосты, по полям носится — оводы-аспиды заели.

На зелёные июльские луга Козьма и Дамиан пришли — все на покос пошли.

Ефросинья из лесу черницы¹ в лопушке, как когда-то Улита, Илье принесла. Грустно улыбнулся Илья и сказал чуть слышно:

— Пошли, Господи, счастье рабе твоей Иулите и... рыжему, конопатому суженому её.

¹ Черница — черника.

А они будто услышали и на Ильин день пришли Илью с Днём Ангела поздравлять. А он им обоим, нежданно для себя, так обрадовался — до сумерек из избы не отпускал.

А в полях уже хлеб заколосился.

— Кукушек чего-то не слышать.

— Да они, Илюша, житным колосом подавились, — смеётся отец, — столько хлебу уродилось, прямо беда.

— Эх, не могу я тебе помочь, батюшка...

— Не кручинься, сынок! Столько добрых людей мне подсобить обещались — не счесть. Будем зимой с хлебом.

А вот Борис и Глеб — поспел хлеб. Все, даже дети малые, в поле. Один Илья в избе. Задумчиво крутит меж пальцев второй узелок на бечеве от креста, на то место настороженно поглядывает, где в прошлый раз святой Глеб стоял. Вдруг в свой день придёт и спросит: «Ну, Илья, усмирил ли гордыню свою?» Что ответить?

В тревожном ожидании день мимо прошёл. Только ночью Илья вздохнул с облегчением: не надо пока ответа держать, не готов ещё...

Осенины в яркий сарафан землю вырядили, и настало бабье лето. Полетели неведомо куда, на тёмные воды или прямо на небо, журавушки, стрижи и касаточки, а ласточки, сказывают, сцепившись ножками, в реках и озёрах от зимы прячутся.

— Всякому лету аминь, — вздохнула Ефросинья, — и у нас похороны на дворе.

— Да ты что, матушка! Какие похороны?

— Да не пужайся, Илюша, тараканьи. На-ка вот, выдолби в репке серединку. Мы в неё мух уложим и тараканов, сколь наловим, и будет им в этом гробу смерть на всю зиму¹.

— У этих горе, а у коров праздник — быки в гости пожаловали, — озорно щурится отец. — На весь Муром режут от радости.

Листопад октябрьскую хлябь засыпать торопится, чтобы Божья Матерь свой небесный покров не на грязь постелила.

И когда в октябре Илья как-будто впервые увидел чудесное, блистающее на траве небесное покрывало, а на нём серебряную, от инея сверкающую иву, со страхом перекрестился, решив, что это сама Богородица во дворе стоит.

Торопливо вытирая нежданные слёзы, глядел могучий Илья на это чудо и шептал:

— Матушка, матушка моя! Жизни за тебя не жаль...

Ещё несколько долгих лет минули. Илье уж тридцать. Борода густая, тёмная, плечи богатырские, а в глазах свет, покой и мудрость. Эх, кабы ноги его каменные

¹ В Древней Руси верили, что эти «похороны» изгонят из дома всех мышей, клопов и тараканов.

такими же податливыми стали, как душа. А душа его за эти годы много к Богу подвинулась.

Тёплый августовский сумерек на порог тихонько присел, в избу осторожно заглядывает, а войти боится. Там смоляная лучина тихо потрескивает, она сейчас в доме хозяйка.

Матушка с отцом ушли в церковь. Сегодня светлый праздник — Преображение Господне, а Илья сидит под образами и задумчиво глядит на маленький, тёплый огонёк, и вот он уже не здесь, на постылой лавке, а там, за далёким морем, в горах...

«И по прошествии дней шести взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна и возвёл на гору высокую особо их одних, и преобразился пред ними: одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить.

И явился им Илья с Моисеем и беседовали с Иисусом.

При сём Пётр сказал Иисусу: «Равви! Хорошо нам здесь быть, сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну и одну Илии».

Ибо не знал, что сказать, потому что они были в страхе.

И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшёл глас, глаголющий:

— Сей есть сын Мой возлюбленный. Его слушайте.

И, внезапно посмотревши вокруг, никого более с собой не видели, кроме одного Иисуса.

Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мёртвых.

И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: «воскреснуть из мёртвых»¹.

Внезапно в тишине громко скрипнули ступени, и кто-то сказал из-за двери:

— Эй, люди добрые! Пустите Христа ради паломника² переночевать.

— Входи, входи, мил человек, — обрадовался Илья.

В избу бодро шагнул маленький сухонький старичок с длинной седой бородой, поставил у стены посох и снял пыльный колпак. Илья невольную улыбку ладонью прикрыл — голова старика на облупленную крашенку³ стала похожа, снизу, до бровей, коричневая от загара, а острая лысина нежно-белая.

Трижды перекрестился дед, поклонился в пояс, весело глянул на Илью и сказал:

— Ну, Илья, чем путника дорогого-нежданного угощать будешь?

¹ Евангелие от Марка.

² П а л ó м н и к — богомолец, ходивший на поклонение святым местам.

³ К р á ш е н к а — раскрашенное пасхальное яйцо.

— Да откуда ты меня знаешь? — удивился Илья.
 — Э-э, пока из Киева шёл, столько людей повидал-
 послушал! А муромский люд всё про твоё страстнотерп-
 ное сидение много рассказывал.

— Эка чего удумали! — смутился Илья.

— Да ты не красней, как девица. Подвиг твой лю-
 дям нужен. Вот я где, думаешь, побывал? В самом Кие-
 во-Печерском монастыре. Тамошние старцы-монахи своей
 праведной жизнью такие Божьи чудеса являют, что наше
 житьё рядом с ними одно вяканье и ковырянье.

Илья недоверчиво усмехнулся.

— Истинную правду говорю! — торопливо пере-
 крестился дед. — Я б тебе такого порассказывал, да
 только вишь какое дело — рассказывалка моя проголо-
 далась.

— Ах ты, Господи! — всполошился Илья. — Что
 ж это я, недотёпа! Возьми, дедунь, в печи чего хочешь
 и ешь вдоволь.

А старичок, видать, исполнительный был, с первого
 разу такие просьбы беспрекословно исполнял. Мигом из
 тёплой печи ухватом горшок каши выволок, хлебушек из
 тряпицы развернул, луковицу скоро очистил, перекрестил-
 ся, и пяти минут не прошло, как полгоршка в своё тще-
 душное тело уместил. Ложку облизал, крошки со стола
 в ладонь смахнул и туда же, в «рассказывалку».

— А теперь, — говорит, — слушай, Илюша, истин-
 ные сказания про печерских чудотворных старцев.

И так строго на Илью глянул, что он невольно на
 лавке выпрямился.

— Преподобный Антоний, тот, что основал этот
 монастырь, сначала на Афонскую святую гору пришёл
 и так воспламенился любовью к Богу, что стал умо-
 лять тамошнего игумена постричь его в монахи. А игу-
 мен, предвидя его будущую святую жизнь, постриг
 его.

Прошло немало времени, призывает этот игумен Анто-
 ния и говорит: «Было мне нынче повелено от Бога идти
 тебе на Русь, в Киев. Иди с миром».

Он и пошёл и возле Днепра на высоком холме нашёл
 себе пещерку, что некогда варяги выкопали, сотворил
 молитву и поселился тут. И такую строгую жизнь сам
 себе назначил, что все, кто про это узнавал, приходили его
 жалеть. Он же ничего у них не брал, а только денно и
 ношно молился и через день немного сухого хлеба с водой
 съедал.

Стали приходящие возле него селиться в пещерах, и
 тогда же пришёл ещё один великий подвижник Феодо-
 сий. Было ему 23 года. Мать же никак не хотела видеть
 сына монахом, запирала на ключ, а если всё же он убегал,
 ловила и прилюдно била.

И не только одного Феодосия били.

После смерти благоверного князя Ярослава на пре-
 стол сел Изяслав, и в это же время пришёл в пещеры
 блаженный Варлаам, сын сильнобогатого боярина Иоан-

на, и говорит: «Постригите меня в монахи, святые отцы». Ну они, согласно его желания, и постригли.

И тут, Илюша, богатый отец его так озлился, что пришёл со многими слугами и с великой яростью разогнал монахов во все стороны, а сына своего, блаженного Варлаама, извлёк из пещеры на свет Божий, сорвал с него убогие монашеские одежды и, облёкши в богатое боярское платье, поволок в свои палаты.

И князь Изяслав тоже разгневался на Антония и тотчас приказал все пещеры раскопать. Но княгиня его, добрая душа, умолила не гневить Бога, оставить старцев на месте.

Что он и сделал. И Антоний с братией ещё сорок лет в пещерах прожил, больных исцелял и пророчествовал. И всё сбывалось, как он предрекал.

— А что сбывалось-то?

— Про многое не знаю, врать не буду, но вот однажды пришли к Антонию три князя Ярославича: Изяслав, князь киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский, и говорят:

«Идём мы походом на половцев. Благослови, святой отец».

Антоний же, провидя судьбу каждого, прослезился и ответил:

«Ради грехов ваших вы будете поражены варварами. Многие из воинов будут потоплены в реке, другие будут томимы в плену, а прочие падут от меча».

Что и сбылось на реке Альте. Войско наше победило, князья бегством спаслись, а поганые половцы по всей Руси рассеялись и принялись губить и разорять её...

Илья с такой яростью грохнул кулачищами по дубовой столешнице, что старичок со страха под самый потолок взвился, чуть было доски головой не пробил.

— Ну нет, Илюша, — опасливо сказал дед, — ежели ты так серчать будешь, я, пожалуй, помолчу лучше.

— Да как же не серчать-то! — воскликнул Илья. — Уж сколько лет сыроедцы¹ эти, как саранча, лезут, и никто им руки загребушие не укоротит.

— Не послал нам Господь пока такого сильномогучего богатыря, — вздохнул старичок. — Ну, слушай дальше, да не пугай больше, а то помру — и не узнаешь про чудеса-то.

Ну вот. С каждым годом святые отцы Антоний и Феодосий молитвами и постом всё более проклятого сатану побеждали и, наконец, сподобились неслыханного чуда.

Однажды нежданно-негаданно явились в монастырь из самого Царьграда² четверо очень богатых церковных зодчих и спросили у святых старцев:

«Где хотите начать строить храм?»

¹ Сыроедцы — кочевники.

² Царьград — в то время столица православного мира.

Старцы переглянулись и говорят:

«Где Господь укажет. А мы не знаем».

«Чудная вещь, — удивились зодчие. — Время смерти своей вы узнали, а доселе не назначили места для своей церкви, хотя уже дали нам столько золота».

И показывают им целый мешок золота. А у монахов отродясь никаких денег не водится.

Тогда греки, видя, что старцы смущены, стали им вот что рассказывать:

«Однажды рано, при восходе солнца, к каждому из нас пришли благообразные юноши и сказали, что нас зовёт царица во Влахерну. Мы немедля пришли и увидели царицу со множеством воинов вокруг и вас там же. И она сказала:

— Хочу я построить себе церковь на Руси, в Киеве, и вот вам велю это сделать. Возьмите золото у этих праведников.

И мы при многих свидетелях у вас это золото взяли. Потом царица сказала, что Антоний при начале постройки отойдёт в вечность, а Феодосий пойдёт за ним на второй год.

Мы же спросили, какой должна быть эта церковь, а царица приказала нам выйти на открытое место, и здесь мы увидели церковь, стоящую на воздухе».

И вот, говорят греки, через месяц после того, как золото у вас взяли, вышли из Царьграда в путь и к вам прибыли.

Тогда старец Антоний разъяснил всем, что царица во Влахерне — сама Пречистая Матерь Божия, а те, кто золото давал, — Ангелы небесные.

— Да как же ангелы на старцев этих похожими оказались? — изумился Илья.

— Э-э, милый, про это один Бог ведает. Да... Ну вот, а греки-то не отстают, укажи им место под церковь — и всё тут.

Тогда Антоний говорит:

«Мы три дня будем молиться, и Господь покажет нам».

И вот во время молитвы преподобному Антонию явился вдруг Ангел Божий и сказал:

«Ты обрёл благодать предо мною».

«Господи, — говорит со смирением Антоний, — сделай так, чтобы завтра на всей земле была роса, а на святом месте под церковь — сухо».

И на другой день нашли среди росы это сухое место, и, когда помолились всей братией, с неба вдруг сошёл страшный огонь и все деревья на этом месте выжег, а саму землю глубоко ископал.

Через три года предивную эту церковь во имя Успения Божией Матери построили. Святые старцы Антоний и Феодосий, как предсказала им Богородица, уже отошли к Господу, и тут вдруг приходят из Царьграда иконописцы и говорят:

«Покажите нам старцев Антония и Феодосия, с которыми мы уговорились церковь расписать».

«О дети мои, — отвечает им кротко игумен, — невозможно их показать. Уж десять лет они на небесах пребывают».

Ужаснулись иконописцы и говорят:

«А кто же нам тогда золото дал? Из их рук при многих свидетелях получили».

Так вот, Илюша, иконописцам этим святые старцы после смерти являлись и денег дали.

Начали мастера расписывать церковь, и тотчас случилось дивное знамение. На виду у всех на алтарной стене вдруг сам собой явился чудный образ Богоматери и засиял ярче солнца, так что иконописцы смотреть не могли и пали ниц. А когда опять глянули, то из уст Божией Матери вылетел белый голубь, покругил по церкви, подлетел к иконе Спасителя и исчез в его устах.

Вот так, Илюша, Святой дух проявился в этой дивной, красоты неопикуемой церкви.

— Хоть бы одним глазком во сне на неё глянуть, — тихо сказал Илья.

— Да почему во сне-то? Ты, Илюша, вот что, колотись, бейся, а всё надейся. В монастырь этот таких немощных калек привозили — не чета тебе, а как приложатся они к нетленным мощам святых старцев, куда их слепота, глухота и прочая напасть девались.

Я вот сам, как думаешь, зачем столько вёрст в Киев и обратно протопал? Внучка у меня чахнуть стала. Змей ли окаанный её испортил или глаз чей чёрный, не знаю.

Вот и несу её оттуда, глянь-ка, святую просфору, в алтаре освящённую. Старцы сказали, если внучка с верой съест — исцелится.

Дед осторожно, как великую драгоценность, достал из-за пазухи белую тряпицу, развернул её и показал Илье маленький круглый хлебец, на котором были выдавлены крест и четыре буквы: «ИС ХР». Потом так же бережно обратно за пазуху уложил, а Илья заморожённо проводил глазами целебный хлебец, а потом нахмурился и отвернулся...

Из церкви вернулись отец с матерью и умолили сомлевшего от каши и усталости старика ещё что-нибудь про печерских старцев рассказать, когда, мол, ещё такие знатные сказители мимо пройдут.

— Ладно, — говорит польщённый дед, — так и быть, поведаю вам про Григория Чудотворца, что получил от Бога победу над бесами.

Как-то враг-дьявол замыслил пакость учинить, но, не будучи сам в силах Григорию что-либо сделать, напустил на него злых людей. И вот однажды пришли по его наущению воры и влезли ночью к Григорию в вертоград¹, где он зелень сеял. Наполнили овощами свои мешки, а когда уйти хотели, то не смогли сдвинуться с места и так стояли два дня и две ночи, угнетаемые ношей.

¹ Вертоград — огород.

Наконец стали вопить:

«Отче святой Григорие!пусти нас! Мы покаемся в грехе своём и более никогда не пойдём на такое дело».

Пришли черноризцы, хотели стащить их с этого места и не смогли.

«Как вы сюда пришли?» — спрашивают.

«Уже два дня и две ночи стоим!» — вопят воры.

«Мы каждый день здесь проходили и не видели вас».

«Да и мы вас не видели! — плачут воры. — Если б видели, умолили бы спасти нас. Но вот уже изнемогли совсем и просим молить Григория о нас».

Пришёл преподобный Григорий.

«Прожили вы, — говорит, — жизнь свою праздно, воровством занимаясь, так вот и стойте праздными до конца жизни вашей».

Кое-как бедные тати¹, со слезами горькими, себя проклиная, умолили старца сжалиться над ними и обещали на братию в вертограде до скончания жизни трудиться. Что и выполнили.

— Какие чудеса на свете водятся! — всплеснула руками мать.

— А мученики-страстотерпцы среди этих старцев были? — осторожно спрашивает отец.

¹ Тати — воры.

— Как не быть! Только ты, Илюша, Христа ради столешницу кулачищами своими не круши более, сейчас опять про поганных половцев сказывать буду.

Ну вот. Когда лет тридцать назад злочестивый Боняк, хан половецкий, с войском своим пленили Русь, ворвались они злыми волками и в Печерский монастырь. Всё дочиста ограбили, церковь осквернили и тридцать иноков в плен взяли.

— Да как же Господь попустил такое? — не выдержал Илья.

Старик только руками развёл.

— Знать это никому не дано. Был среди пленных Евстратий-постник, и продали их всех в греческую землю, в град Корсун, некоему жидовину. Богопротивный этот жидовин стал принуждать пленников отвернуться от Христа, а когда они отказались, заковал всех в железо и стал морить голодом.

Тогда Евстратий, укрепляя дух пленников, сказал: «Братия! Кто удостоился принять крещение и верует во Христа, пусть не окажется отступником от Него и нарушителем данного при крещении обета».

И все пленники решили пострадать за Христа, лишь бы не быть иудами. Через четырнадцать дней все иноки один за другим умерли от голода. Остался один Евстратий. Тогда жидовин тот, распалясь яростью, ведь из-за Евстратия лишился он золота, истраченного на рабов, на Святую Пасху пригвоздил его, как Христа, ко кресту.

Старик с опаской глянул на бледного, с пылающими глазами Илью и продолжал:

— А Евстратий, не евший и не пивший уже пятнадцать дней, оставался ещё живым и говорил с креста: «Великой благодати сподобил меня Господь сегодня, пострадать за святое имя Его на кресте, как и Он за нас страдал. Но ты, распявший меня, и окружающие тебя ужаснётесь, и праздники ваши обратит Господь в плач».

Услышав это, душимый злобой жидовин схватил копье и пронзил пригвождённого.

И тотчас показалась огненная колесница, и огненные кони вознесли ликующую душу Евстратия на небо. А святое тело его жестокосердный мучитель бросил в море, и никто не смог найти его.

Через несколько лет, неведомо как, святые мощи Евстратия оказались в монастырской пещере, а отмщение злодеям в тот же день исполнилось. Всех греческий царь перебил...

Старик вдруг сонно качнулся, мягко повалился на лавку и засвистел носом так, будто и не нос это был, а свирель скоморошья.

— Сомлел, сердешный, — улыбнулась мать. — А худющий-то, хоть самого в пещеру клади.

Не спал Илья в эту ночь. Новый, чудесно-святой мир узнал он и теперь был душой там, в таинственном пе-

щерном монастыре, где, казалось ему, слышал простые, мудрые слова старцев, кивал головой, беззвучно шептал что-то, яростно сжимал кулаки, крестился и, наконец, под утро, когда на небе Божьи огоньки погасли, так сидя и уснул. Когда же очнулся, старика уже не было, а рядом на лавке лежал маленький белый свёрток.

— Когда дед-то утром уходил, — рассказала мать, — поглядел он на тебя спящего долго так и сказал непонятно: «Ему нужней будет».

Осторожно развернул белую тряпицу Илья, а в ней та самая святая просфора!

— Да ведь это он хворой внучке нёс! — удивился Илья. — А мы и звать-то его как не спросили...

«Русь-русь-русь...» То ли жаворонок в траве пропел, то ли Ангел с неба шепнул...

Тридцать лет и три года минуло, как приковал окаянный змей Илью Муромца железными оковами к дубовой скамье.

Тридцать три года Христу было, когда распяли Его на кресте, и вот сегодня в полночь вновь, как тысячу лет назад, воскрес Он из мёртвых, и вновь Ангелы Его вострубили: «Христос воскресе, смертию смерть поправ! Смерть, где твоё жало, ад, где твоя победа?!»

Нежная заря на алых конях солнце на небо вывезла. Улыбнулся Илья, толкнул дверь ухватом, весной подышать, а в тёмную горницу вместе с розовым утром стремительно влетела ласточка.

У Ильи от неожиданности ухват из рук выпал, а ласточка облетела избу три раза и вдруг села ему на плечо. Илья будто окоченел, дышать перестал, а сердце в груди так громко забухало, что взмолился он про себя:

«Господи! Уйми сердце моё. Так грохает, боюсь, испугается и улетит твоя вестница».

А ласточка, нисколько не страшась, быстро глянула на Илью своим глазом-бусинкой, смело склевала из бороды хлебную крошку и выпорхнула из избы.

— Господи! Славлю Тебя, — прошептал, волнуясь, Илья.

И в тот же миг яркий, неизречённый свет вспыхнул перед ним и затопил нестерпимым сиянием всю избу так, что Илья зажмурился и руками глаза закрыл.

А из этого неземного света раздался сильный, небесный голос:

— Истинно говорю тебе, ныне исцелён будешь и славу обретёшь на земле, яко Илия Пророк на небеси, ибо власть даю тебе наступать на змея и на всю силу вражью и ничто не повредит тебе!

— Прости, Господи! — в ужасе воскликнул Илья. — Не могу из-за немощи пасть перед Тобой, а глядеть на Тебя не смею: боюсь, ослепну.

— Невозможно человеку во плоти видеть Меня. Но вот апостолы Мои, да пребудут они с тобой!

— Блаженны слышащие Слово Божье и соблюдающие Его, — твёрдо сказал другой голос. — Открой глаза, Илья, не бойся.

Осторожно отвёл он от лица руки и видит — свет исчез, а перед ним в блистающих одеждах стоят седобородые апостолы Павел и Пётр¹.

— За терпение своё и веру сподобился ты сегодня видеть Божественный свет и слышать голос Спасителя, — сказал святой Пётр. — А теперь выпей святой воды, — и подаёт ему деревянный ковш.

Поражённый таким чудесным видением, поднёс Илья дрожащими руками ковш к сухим губам и отпил глоток.

— Теперь вставай, — приказал апостол. — Вставай с верой, ибо исцелён ты ныне по Слову Божию.

Илья побледнел как мел, перекрестился и медленно встал.

И тотчас в глубоком подземье за Муромом завыл в смертной тоске окаянный змей. Ведь это его погубитель на ноги встал.

— Иди! — не дав Илье опомниться, сказал Пётр.

И свершилось чудо!

Илья, покачиваясь, как младенец, не умеющий ходить, выставив вперёд руки, медленно пошёл к открытой двери, а когда упёрся в косяк, высунул наружу мокрое от слёз лицо и крикнул во всю моченьку:

— Господи!! Слава Тебе!!

¹ В одной из древних летописей говорится, что Илье Муромцу являлись Христос и святые апостолы.

В тот же миг апостолы растаяли в воздухе, а люди, шедшие из церкви, как увидели стоящего на крыльце Илью, так и застыли посередь улицы с открытыми ртами. Когда же опомнились, бросились врассыпную, крича на весь Муром: «Чудо!! Чудо Господь явил нам!!»

До поздней ночи в избе у Ильи толпился народ. Приходили, с недоверием разглядывали, даже щупали его и, затаив дыхание, в который раз слушали о чудесном свете и голосе Спасителя и вдруг, не сговариваясь, начинали дружно, со слезами петь хвалу Господу...

До красной осени Илья, не давая отдыха ни себе, ни земле, с упоением пахал, боронил, сеял, жал, молотил, корчевал в одиночку здоровенные кряжистые дубы под новые пашни. Родители его сторицей за долготерпение награждены были: такого помощника Господь им на старость послал. Только после дня светлого тёмная ночь настаёт, а после тихой радости — печаль непрошенная.

Последний воз ржаных снопов нагрузил Илья на терпеливую лошадку и отправил с отцом домой, а сам к рожице пошёл из родника попить.

Пьёт, зубы морозит и думает: «Чудно как, земля тёплая, а по жилам её такая студёная кровь бежит».

Вдруг слышит: кто-то фыркнул сзади. Обернулся, стоит невдалеке за рябинкой могучий конь с косматой гривой и густым, до самой земли, рыжим хвостом.

К широкому седлу боевые доспехи приторочены: тяжёлый, широкий меч, тугой лук с калёными стрелами в колчане, шишковатая пудовая палица, острое копье, красный щит с золотым солнцем и богатырский шлем.

— Ай да конь! — ахнул Илья. — А где ж хозяин-воин?

Кликнул — нет никого, только эхо отозвалось.

— Видать, уснул богатырь.

Ещё на рыжего красавца полюбовался чуток, вздохнул и пошёл себе. А конь-то за ним! За рубаху зубами крепко ухватил и не пускает.

— А ну, не балуй! — вырывается Илья. — А то гляди, оседлаю и до Муррома скакать заставлю. Не жди пощады тогда!

А конь будто этого и ждёт. Кивает гривастой головой, садись, мол, Илюша, погоняй меня сколько хочешь, для меня эти муки — мёд сладкий.

Крякнул Илья, ну что ж, раз так, взлетел в седло, сунул широкие лапти в медные стремяна да как гикнет, как пришпорит рыжего! Выше рожи взвился чудо-конь и пошёл скакать по три версты, через реки и горы перескакивать, а где копытом о землю стукнет, там тотчас родник забьёт.

До сих пор эти ключи живы и зовутся «конь-колодец».

Не успел Илья опомниться, а под ним уже Днепр серебром сверкает, а на высоком холме из густого леса чудная церковь робко выглядывает.

— Да ведь это Киевский монастырь пещерный! — воскликнул Илья. — Вот не ведал, не гадал чудо это увидеть!

Будто на крыльях, спустился с небес конь и у монастырских ворот встал как вкопанный. Вошёл Илья, перекрестившись, во двор, а навстречу древний старец-черноризец.

— С чем пришёл, раб Божий?

Поклонился Илья в пояс и говорит, робея:

— К святым мощам приложиться хочу, отче, и совета у вас, старцев, спросить: как мне Господа отблагодарить за своё исцеление.

— А разве не указал Господь пути твоего? Вспомни, сказал Он: «Ибо власть даю тебе наступать на змея и на всю силу вражью и ничто не повредит тебе!» Посему и я, недостойный грешник, благословляю тебя, Илья, к киевскому князю Владимиру на ратную службу идти. Когда же не сможешь более меча в руках держать, сюда в обитель придёшь, духовным мечом¹ супостатов разить.

— Стало быть, конь этот и оружие мне посланы? — догадался Илья. — Ну, коли так, буду верой и правдой великому князю служить. Покажи, отче, где тут святым мощам Феодосия поклониться можно?

¹ Духовный меч — молитва.

— Да считай, поклонился уже, — ласково улыбнулся старец и невидимым стал.

Что потом было с храбрым богатырём Ильёй Муромцем, как Русь жадным кочевникам в обиду не давал, как змею окаянному огненные головы нещадно рубил, как идолищ поганных булавой в землю вколачивал, как несчётных соловьёв-разбойников бил без отдыха и гнал с родной земли — обо всём этом столько славных былин, песен и сказок сложено, что начнёшь слушать и заслушаешься, а вновь вздумаешь писать и споткнёшься, ведь лучше, чем народ о своём любимце сказал, не скажешь.

Когда же у Ильи от тяжёлых ран и седых годов не стало мочи бить неиссякаемые рати супостатов, пришёл он, как и предсказал ему святой Феодосий, в Киево-Печерский монастырь. Знал он: не порвав с мирскими делами, не будет здесь угодным Христу, поэтому роздал нехитрое своё богатство нищим и постригся в монахи.

Здесь, в пещерном монастыре, до конца своей удивительной и святой жизни продолжал Илья Муромец под Христовым знаменем неустанно биться с бесплотными врагами. А когда переселился духом на небо, честное тело его положено было в пещере, где и доселе пребывает в нетлении.

Уже семь веков не гаснет лампада у него в изголовье, а с тёмной иконы спокойно, с достоинством глядит на нас красивый русский воин.

Первого января мы чтим его светлую память. В этот день святой Илья Муромец ходит по всей заснеженной Руси, и, если вы зажжёте свечу и тихо помянете его, он незримо войдёт и будет верно охранять ваш дом от чёрного зла и неожиданной беды.

И так будет ныне и присно и вовеки веков.

Муромское чудо (Пётр и Феврония)

Поганый змей, повергнутый святым Ильёй Муромцем, не издох, не сгинул с шумом, ибо дана бесам и змеям поганым сила от сатаны вечно прельщать людей пороками и заражать в одно мгновение своим пагубным ядом пустые души. Но сатана слаб и бессилен перед имеющим в своём сердце страх Божий. Его охраняют благодать Бога и святой Ангел-Хранитель.

Семь веков назад правил древним Муромом князь именем Павел. Часто вместе с младшим своим братом Петром выезжали они со двора княжеского терема и мчались на лёгких конях в дремучие Муромские леса на охоту.

Весёлые, шумные и долгие были эти охоты, ведь зверья в ту пору водилось столько, что охотничья страсть по многу дней братьев из лесу не отпускала.

Дьявол же, ненавидящий добро, вселился в неприязненного змея и стал летать к скучающей княгине Марии.

Когда по ночному небу из преисподней мчался, широкая огненная лента, как за метеором, вилась за ним, а как в окно княгини с шумом врывался, то мерзким волшеб-

ством своим становился не змеем поганым, а князем Павлом. Смрадом дыша, овладевал княгиней, а после отлетал в свою проклятую бездну.

Слуги стали слышать за дверьми покоев Марии тихий свист и разговор, но когда входили, никого, кроме Марии, не видели, потому что змей невидимым делался.

И вот однажды вернулись братья с долгой охоты, и увидел князь Павел, что жена его за эти дни так похудела, что кольца с пальцев падали.

Приступил он к ней с расспросами, и княгиня, дрожа и оглядываясь по сторонам, шёпотом поведала мужу о своей беде.

— Как-то ввечеру, когда ты, князь, на своей постылой охоте за зайцами гонялся, стала я на сон волосы чесать, а крестик мой в них запутался. Я и сняла его с себя. Тут-то и влетел в оконце змей этот окаянный. У меня от страха рука онемела, перекреститься не могу, он же в тебя, князь, обратился, отличить нельзя, я и совсем силы лишилась. Вот и летает каждую ночь и тянет из меня жизнь и девичью красу.

Князь, не веря, искоса глядел на жену. Ишь, мол, чего удумала — змей к ней прилетает. Но когда подошёл к оконцу, увидел на подоконнике глубокие, будто от железа, борозды.

— Когтищами исцарапал, — всхлипнула княгиня. — С тех пор и молиться не могу, крестик мой пропал, а Богородица-то, глянь-ка...

Поднял князь глаза на икону в углу горницы и вскрикнул от ужаса. Богородица, закрыв рукой лик младенца Христа, отвернулась от них.

— А раз, когда Господь опять мне молитву в сердце не послал, стала я этому змею волшебное заклятье читать. А он только посвистывает и щурится, аки кот.

— Какое заклятье? — нахмурился князь.

— От змея к жене летающего. Бабка-ведуница научила за перстенёк с камешком. Сказать?

Князь, не отрывая глаз от Богородицы, безразлично пожал плечами.

— Во всём доме, гилломагал, сидела Солнцева дева. Не богатырь могуч из Ноугорода подлетал, подлетел огненный змей. Лиф, лиф, заупапа калануда. А броня на нём не медяна, не злата, а шлем на нём из украсного уклада, пипано фукадалимо корой талима кепафо. Полкан, Полкан! Разбей ты огненного змея, вихадимо гилломагал дираф, и соблюди девичью красу, шнялда шибул.

— Уймись, жена! — досадливо отмахнулся князь. — Ересь эту сами бесы выдумали. Молю тебя, спаси меня от скорби, сотвори мне радость великую, узнай у этого проклятого, как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси его с лестью вот о чём: ведаёт ли этот злодей, от чего ему смерть будет? Если узнаешь об этом и мне поведаешь, то не только в этой жизни от его смрадного сипения освободишься и от всего этого бесстыдства, о чём и говорить срамно, но и перед Христом прощена будешь.

И вот вновь прилетел ночью треклятый змей и, как всегда, принял образ князя Павла. Княгиня, крепко в сердце храня завет мужа, ласкала мнимого князя и льстивыми речами возносила его, а под утро с почтением спросила:

— О, друже мой, много ты всего знаешь, а про свою смерть ведаешь? Какой она будет и от чего?

Он же, льстивый прелестник, сам женой прельщён был и, нисколько не боясь своей гибели, открыл свою тайну.

— Смерть моя от Петрова плеча, от Агрикова меча.

И, кончив своё бесстыдное дело, с воем и пламенем отлетел от неё.

Бедная княгиня, плача от страха и омерзения, прибежала к мужу и поведала ему страшную тайну.

— Слава Тебе, Боже! — радостно перекрестился князь. — Есть, значит, управа на нечестивца. А не сказал он, что это за меч — Агриков?

— Нет, князь, и кто такой Пётр, тоже не сказал.

Всё утро князь потерянно ходил из угла в угол, с мукой думая, где сыскать неведомого этого Петра с Агриковым мечом.

Внезапно дверь с шумом растворилась, и в горницу, улыбаясь, скорым шагом вошёл молодой князь Пётр.

— Ну, здравствуй, брат! — порывисто обнял он Павла. — Что невесел? Прибёг ко мне ввечеру лесничий, видел в ельнике за долгим оврагом страшного медве-

дя. Думаю один его на рогатину взять. Поедешь ли поглядеть?

— Не до забав мне нынче, брат, — горестно махнул рукой князь Павел. — Пострашнее твоего медведя гость пожаловал.

— Что, что стряслось?! Сказывай, князь, не таись, — схватился за меч Пётр.

— Не хотел тебе про этот срам говорить, молод ты ещё, да ведь всё равно от людей узнаешь.

Вспыхнул Пётр: не терпел он, когда молодостью его корили. Считал он себя в шестнадцать лет мужем зрелым, а чтобы другие об этом скоро дознались, везде, не зная страха, на рожон лез.

Князь Павел, не глядя от стыда на пылающего гневом брата, без утайки поведал ему, как поганый змей прельстил его верную жену и от чего обольстителя смерть ждёт.

— Не знаю только, где этого Петра сыскать? — горестно закончил князь.

— А чего его искать?! Здесь он! — горячо воскликнул юноша. — Если этого меча не сыщу, я прелестника голыми руками задавлю.

И вон из горницы выбежал, потому как видел, что испугался за него Павел и может не позволить ему на змея идти.

Во весь опор мчится Пётр на злом жеребце по высокому берегу Оки, а куда летит, сам не ведает.

«Хоть бы, — думает, — какого-нибудь древнего волхва языческого в лесу изловить. Может, подскажет, где этот неведомый меч искать».

Когда в густую, высокую траву конь влетел и шагом пошёл, спрыгнул молодой князь в пряные осенние цветы и вспомнил, как бабушка ему, малыцу, рассказывала, что есть такая трава редкая, зовётся прыгун-скакун или разрыв-трава. Найти её не всякий может, а если найдёт, сможет разрушать железо, медь и серебро на мелкие куски.

А нужно это для того, чтобы, отыскав клад в железном сундучке, от которого ключи выброшены, разрыв-травой этот сундук открыть. В таких вот сундуках не только сокровища несметные лежат, но и волшебное оружие.

Идёт князь по траве, былинку задумчиво покусывает, по сторонам поглядывает: вдруг где сундук такой полузакопанный объявится, и не заметил, как ноги сами собой принесли его к невеликой Крестовоздвиженской церкви, что стояла на берегу Оки.

Вошёл, перекрестившись. В храме тихо, прохладно и народу ни души. К иконостасу медленно подошёл и встал против иконы Архангела Михаила с мечом.

Мужественный, строгий Ангел, главный небесный ратоборец с коварным сатаной, глядел на Петра, опираясь на длинный, узкий меч.

«Наш-то потяжелее будет, — подумал Пётр, — а вот Агриков, видно, такой же, как у Архангела».

Внезапно храм озарился ярким светом, и перед побледневшим князем явился Божий Ангел.

— Иди вслед за мной, князь, — спокойно сказал он. — Я покажу тебе Агриков меч.

Пётр, онемевший от неожиданного чуда, робко вошёл за Ангелом в алтарь.

— Здесь, под алтарной стеной, — указал рукой Ангел.

— Да как же смогу взять его? — спросил князь.

Ангел чуть заметно улыбнулся, и гордый Пётр тотчас вспыхнул, подумав, что Ангел насмехается над ним: мол, на лютого змея собрался, а такую малость, как стену поднять, не в силах.

Легко, будто и не камни, поднял святой Ангел стену, а под ней на жёлтом песке сверкнул золотом длинный узкий меч.

Князь упал на колени, схватил его и крепко прижал к груди. Меч был сухой и тёплый. Ангел же, как и прежде, бесшумно стену назад опустил и тотчас невидим стал.

От радости сердце юного князя билось так громко, как копыта его вороного, на котором Пётр, подняв, как стяг, чудо-меч, мчался к старшему брату.

Когда тяжёлое, закатное солнце затопило багряной кровью всё небо, влетел Пётр на княжеский двор, и тотчас с крыши пагубно заухал лесной сыч.

— Чью-то гибель кличет, — усмехнулся князь и, надёжно скрыв меч от недоброго глаза под длинной

полой кафтана, вбежал по крутой лестнице в палаты Павла.

— Вот, брат, гляди! — выхватил блистающий меч Пётр.

— Неужто Агриков?! — изумился Павел. — Господи! Слава Тебе. Пошли брату моему удачу и победу над злым супостатом. Пусть не дрогнет рука его, ибо с верой в Тебя, Господи, идёт он на врага моего. Иди, Пётр, в палаты жены моей, обрадуй её. Я же помолюсь за твою удачу.

Князь Пётр, не мешкая, пошёл к снохе, а когда проходил по безлюдному и тёмному переходу из мужской половины в женскую, не удержался, выхватил меч и давай махать им налево-направо, воздух со свистом рассекая.

Так, покрасневшись, с поднятым мечом и шагнул в горницу к снохе.

— Гляди, Мария! — и осекся на полуслове.

На лавке, обняв княгиню за плечи, сидел его брат Павел и улыбался.

Поражённый, Пётр оторопело глядел на него.

— Павел! Ты ли это?

— А кто ж ещё? Чего ради не признал меня?

— Да ведь ты в своей горнице только что был. Как же быстрее меня сюда поспел?

— Э, брат, смутил тебя змей окаянный. Ведь это он, думаю, в хоромах моих с тобой говорил. А здесь я, брат твой старшой, а это жена моя Мария.

Глянул удивлённый Пётр на сноху, а та сидит не шелохнётся, и на бледном лице такая улыбка, будто за щекой кислое яблоко спрятала.

В великом смущении заспешил Пётр в хоромы старшего брата, рванул дверь, видит: стоит тот перед божницей и молится.

— Ты ли это, брат Павел, или змей поганый? — подняв меч, грозно спросил Пётр.

— Да кто же ещё здесь может быть? — испугался князь. — Я это! Вот тебе крест. — И перекрестился.

— Тогда как же ты вновь опередил меня? Ведь только что видел тебя с женой в обнимку сидящим!

— Никуда я, брат, не выходил из покоев своих. Это, Пётр, козни лукавого змея. Мною тебе является, чтобы ты не решился убить его.

— Ах так! — сверкнул очами молодой князь. — Ты вот что, брат, никуда из хоромины этой не выходи. Заклинаю тебя всеми святыми, а то как бы беды не было.

— Никуда без твоего повеления не пойду, останусь здесь молиться за твою победу.

Держа меч наготове, вновь вбежал Пётр в горницу и встал как вкопанный. Перед ним с расстёгнутым воротом стоял Павел и отхлёбывал из ковша брагу.

— Ты кто есть?! — задыхаясь от гнева, выдохнул Пётр.

— Эка недогадливый! Уж говорил тебе, князь, не один раз, Павел я. И только что в покоях своих с тобой

толковал. И крестное знамение на себя клал. Аль забыл? Ну а потом через тайные дверцы сюда прибёг, чтоб самому видеть, как ты будешь с врагом моим биться, и помочь тебе, чем смогу. Отложи меч-то. На-ко вот, хлебни браги.

— Опосля брагу пить будем! — прорычал Пётр и сломя голову бросился обратно на половину князя.

С грохотом распахнул дубовую дверь. Павел, стоя на коленях, в страхе оборотился.

— Зачем ты, князь, — дрожа от бешенства, вскричал Пётр, — меня не послушав, через тайные дверцы к жене прибёг?!

— О, брат мой возлюбленный! — со слезами воскликнул Павел. — Молюсь я и никуда отсюда не уходил, и шагу не могу шагнуть без твоего повеления.

Пётр схватил со стола ключи от всех замков, замкнул все двери в палате князя и на каждую дверь крестное знамение положил. Расшвыривая с дороги зазевавшихся слуг, опрокидывая скамьи, ворвался диким львом с пылающими очами к княгине, держа мёртвой хваткой белыми от напряжения пальцами горячую рукоять меча, медленно пошёл на мнимого князя.

Он же, лукавый обольститель, спокойно стоял, скрестив на груди руки, и с укором глядел на Петра.

В отчаянии обернулся бедный князь к снохе и тут увидел в углу отворотившийся от беса лик Богородицы. И только тогда, крепко уверовав, что перед ним не брат

родимый, что есть мочи обрушил сверкающий меч на супостата.

С грохотом упала на пол зубастая, с длинным синим языком страшная голова змея, а мерзкое тело затрепетало, задёргалось на полу и, забрызгав Петра чёрной пузырящейся кровью, издохло.

Гибельный смрад и зловоние заволокли весь Муром, потому князь Павел приказал слугам немедленно смердящего змея железными крючьями в глубокий ров сбросить и закидать камнями.

А измученный Пётр, когда снял сорочку, чтобы смыть с себя поганую кровь, с ужасом увидел, что всё тело его покрылось страшными язвами и струпьями.

Всю промозглую осень и лютую, метельную зиму горело адским огнём тело молодого князя. От бывшей стати и красоты за короткое время ничего не осталось. Лицо и тело гноились от зудящих, незаживающих струпьев, так что по две дюжины мокрых сорочек за день меняли.

Князь Павел опечалился печалью великой. Одного Бог избавил от проклятого змея, а другого погубил. Злой недуг, что пал на любимого брата, отобрал сон и покой и состарил до поры муромского князя.

Разослал он всех своих слуг, так что хоромы пусты остались, во все стороны искать искусных лекарей. Одни врачи подойти близко к Петру боялись и лечить отказывались, другие мазали его густыми, как глина, мазями,

мыли горькими травами, купали в Оке в грозу и в новолуние. Но всё было без толку.

Однажды, когда князь Пётр задремал, старый, с серьгой в ухе слуга Аника зажжёт свечу и зашептал тайное заклинание:

— Заговариваю я у раба Божия Петра двенадцать скорбных недугов.

Ты, злая трясовица, уймись, а не то прокляну в тартарары.

Ты, неутомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя в преисподние земли.

Ты, свербедь, прекратись, а не то утоплю тебя в горячей воде.

Ты, огневица, остудись, а не то заморожу тебя крещенским морозом.

Ты, чёрная немочь, отвяжись, а не то засмолю в бочку и по морю пущу.

— Забубнил, старый сыч, — тяжело вздохнул Пётр, — только задремал...

— Прости, княже. Как лучше хотел. Не принести ли попить кваску кисленького?

— Или отравы мёртвой, — горько усмехнулся князь.

Скрипнула дверь, и в опочивальню тихо вошёл высокий, в длинной чёрной рясе, белокурый и безбородый ещё монах.

— Мир и благодать сему дому, — поклонился до земли инок. — Послан я к тебе, князь, отцом игуменом

из Божьего монастыря ободрить душу твою и помочь чем в силах буду.

— Помоги, помоги, святой отец! — обрадовался Аника. — А то он вон уж об чём замышляет.

Молодой инок внимательно поглядел в скорбные, потухшие глаза князя и сказал:

— Не бойся лишений телесных, Пётр, бойся лишений духовных. Не бойся, когда тебя лишают денег, пищи, жилища и даже самого тела. Бойся, когда сатана лишает душу твою веры и любви к Богу, когда он сеет в душе страх и малодушие.

— Я-то Бога люблю, — устало сказал Пётр, — и с именем Его на змея шёл. Только вот чего не пойму. Я ведь от змея окаянного не только брата спас, но и Муром, а может, и Русь всю. А Господь меня вон какой злой бедой за это наградил.

— Думаю, Господь тебе не беду, а великую милость послал. Ведь болезнь иногда посылает Он для очищения согрешений, а иногда, — инок грустно поглядел на Петра, — а иногда, чтобы смирить гордыню.

Молодой князь вспыхнул, сверкнул очами, но смолчал.

— Давай-ка, князь, я тебе сорочицу сменю и прочту из Святой книги про страстотерпца Иова. Думаю, укрепит это тебя.

Молча глядел на догорающую свечу Пётр, и не заметили они с притихшим на лавке Аникой, как кончил читать и ушёл молодой инок.

— Эх, как звать-то монаха этого, не спросили, — опомнился Аника.

— А из какого он, сказывал, монастыря пришёл? — задумчиво спросил Пётр.

— Из Божьего...

— Во-во. Нет такого монастыря, Аника. Так кто же говорил с нами?

Здоровенный Аника поднялся с лавки и, со страхом уставившись в потолок, размашисто перекрестился.

Ранней весной, на Вербное воскресенье, заляпанный грязью Аника возбуждённо рассказывал Петру:

— Кажись, нашёл я лекарей, княже. Да не одного, а целую весь¹.

Там не только мужики, но и жёны лечат. В Рязанской земле сельцо это, и название больно доброе — Ласково. Старики говорят, только там тебя от хвори избавят. Так что собирайся, княже, и едем немедленно.

Поднял лёгкого, исхудавшего князя на руки и бережно отнёс в дорожную повозку.

На другой день остановились недалеко от Ласково, и Аника, широко шагая по глубоким лужам, принялся избу за избой обходить и расспрашивать. Осторожные же сельчане, глядя на всклокоченного, седого великана с серебряной серьгой в ухе и грозной саблей, робели и друж-

¹ В е с ь — село.

но отнекивались лечить. Однако, усмехаясь в усы, наперебой советовали сходить в крайнюю избу, что у самого леса. Там, мол, девка блаженная, Февроньей звать, хоть и дурочка и не поймёшь, чего говорит, но лечит знатно.

Вошёл Аника во двор крайней избы — нет никого. В сени ступил — и здесь никто его не встретил, а когда, низко пригнувшись, шагнул в горницу, увидел чудо невиданное.

За ткацким станом сидела в одиночестве девица и ткала холст, а перед ней на задних лапах скакал заяц.

Аника онемел от удивления, а девица, не поднимая от работы головы, заговорила непонятно и странно:

— Нелепо быть дому без ушей и горнице без очей.

Аника крикнул и пожалел про себя бедную дурочку.

— А скажи мне, девица, где есть твои мать с отцом?

— Отец и мать мои пошли взаймы плакать, а брат меж ног смерти в глаза смотрит.

— Прости меня, девица, — осторожно, чтоб не обидеть, говорит Аника, — не разумею я, старый, что говоришь ты. Про какие уши ты толкуешь, и как это взаймы плакать и смерти в глаза сквозь ноги глядеть? И заяц этот ещё тут скачет...

— И этого уразуметь ты не можешь, — усмехнулась девица, — хотя речи мои не странны.

Если бы был в доме моём пёс, он бы залаял на тебя. Это — уши дома. А если бы был в горнице ребёнок, он увидел бы тебя и сказал мне. Это — очи дома. И не

застал бы ты меня здесь в простоте и неприбранной. Мать же с отцом пошли на похороны оплакивать покойника. А когда за ними смерть придёт, другие их будут оплакивать. Это плач взаимный. Отец и брат мои древолазы, и сейчас брат в лесу бортничает¹, и когда взлезет на дерево, то меж ног на землю смотрит, чтоб не сорваться с высоты. Ведь кто сорвётся, жизни лишится. Вот я и сказала, что он сквозь ноги смерти в глаза смотрит.

«Ай да девица мудрёная, — покрутил ус Аника, — не простота, как народ сказывает».

— А скажи-ка, девица, как звать тебя?

— Имя моё Феврония.

— А я слуга муромского князя Петра.

— Того, что летучего змея своею рукою убил?

— Его самого. Змей этот окаянный, когда издыхал, князя своей смердящей кровью обрызгал, и с той поры князь в лютых струпьях по всему телу. В своём княжестве искал он исцеления, но не нашёл. И слышали мы, что у вас в Ласково есть искусные врачи, но не знаем, где живут они. Поэтому и спрашиваю тебя об этом.

— Привези своего князя сюда. Если будет чистосердечным и смиренным в словах своих, да будет здоров.

Обрадованный Аника, отбиваясь от свирепых псов, побежал к Петру.

¹ Бóртничать — собирать мёд.

— Радуйся, княже! — гаркнул во всё горло. — Нашёл я премудрую девицу Февронию. Вези, говорит, князя — и здоров будет!

А пока ехали в повозке к её дому, Аника торопливо про странный разговор поведал. Когда же про зайца заговорил, отчего-то хитро на князя глянул.

На дворе у Февронии князь из повозки не вышел, Аника же, отирая со лба пот, вбежал к ней в горницу.

— Приехал князь мой. Много даров обещает, если вылечишь.

— Даров мне его не надо, но пойдёшь скажи господину своему: если не стану женой его, не смогу излечить его.

Аника развёл в стороны руки, поморгал оторопело, но, делать нечего, пошёл к Петру и, покашливая в кулак, передал, что сказала Феврония.

— Да мыслимо ли князю дочь древолазца в жёны брать? — раздражённо воскликнул Пётр, но потом, морщась от нестерпимой боли, процедил сквозь зубы: — Ладно уж, пойдёшь пообещай ей что хочет и пусть лечит как может, а там поглядим.

Феврония внимательно выслушала глядящего в сторону Анику, взяла малый ковшик, зачерпнула им из ведра кисляжи¹, дунула на неё и сказала:

— Прими это и отнеси господину твоему, но повели прежде истопить баню и, выпарив князя гораздо, натри его

¹ Кисляжъ — кислый квас.

этим. Только один струп не тронь — и будет твой князь здоров.

Пётр велел тотчас истопить баню, а пока, забавы ради, решил искутить блаженную в её мудрости. Подал Анике клоч льна и, усмехаясь, сказал:

— Если девица эта так мудра, что хочет женой князя стать, пусть из этого льна, пока я в бане моюсь, сошьёт мне сорочку, порты и платок.

Феврония и бровью не повела, получив этот клочок, но велела Анике достать с печи сухое поленце и, отмерив на нём пядь, приказала отсечь малый кусок.

— Возьми этот обрубок и отнеси князю своему от меня и скажи, пока я чешу сей пучок льна, пусть он смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю снасть к нему, на чём будет полотно для одежды его ткаться.

Пётр повертел в руках деревяшку и с усмешкой сказал слуге:

— Пойди и скажи девице этой, разве не знает она, что за такое малое время из этой чурки невозможно сотворить то, чего она просит.

Феврония в ответ улыбнулась словам князя и сказала Анике:

— А возможно ли за то малое время, пока он в бане будет мыться, сшить взрослому мужу сорочку, порты и платок из этого льна?

Князь подивился ответу её и велел вести себя в баню. Там, после жаркого мытья, верный Аника бережно натёр

князя кисляжью с головы до ног, а один струп, как Феврония приказала, не тронул.

Не успел красный, распаренный Пётр отдохнуть на лавке в предбаннике, как все струпья на нём засохли и отвалились, и стало тело его белым и чистым, как прежде.

Только один маленький струп на плече остался.

Стоит ли говорить, как возрадовался и развеселился Пётр и, забыв слово своё, не захотел исполнить обещанного Февронье, а послал к ней Анику со златом и серебром.

Однако Феврония даров не приняла и сказала с достоинством:

— Отнеси это обратно господину твоему, ибо не устоял он в правде своей, а посему понадобятся сии дары ему самому: другим врачам давать, чтобы от той же болезни лечиться.

Князь же пренебрёг её словами и тотчас со всеми слугами обратно в Муром заторопился.

Но только весёлый и бодрый Пётр в свои хоромы вошёл, как от того малого струпа, что немазанным остался, начали многие другие гнойные язвы расходиться по всему телу.

Морщась от огненной боли, поведал он брату Павлу без утайки, как в сельце Ласково излечила его дева Феврония и как он обманул её:

Долго молчал Павел и сказал с печалью:

— Грех на тебе, брат. Пренебрёг ты исцелившей тебя, обидел своим обманом, да ещё и золотом откупиться

от неё хотел. Знай, Пётр, что у Бога не только милосердие, но и гнев, и на грешниках пребывает ярость Его. Если не покаешься перед Февронией, Бог тебя не простит.

— Опомнись, Павел! Как же я, князь, повинюсь перед какой-то селянкой?

— Ещё апостол Лука сказал: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится».

— Ни отец наш, ни деды ни перед кем шапок не снимали, и я не буду.

— Смирись, Пётр. Вспомни, что Иоанн Златоуст говорил: «Преме́рзкий грех есть гордость. Гордый обличения и увещевания крайне не любит, но почитает себя чистым, хотя весь замаран. В сердцах гордых рождаются хульные слова, и от одной этой страсти некто¹ ниспал с неба».

— Что говоришь ты, Павел! Страшно мне от твоих слов. Неужто так пал я?

— Пал, брат, но знай, что только павшие бесы никогда вновь не восстанут. Людям же свойственно падать и скоро восставать от падения, сколько бы раз это ни случилось. И ещё помни: блудных исцеляют люди, лукавых и злых — ангелы, а гордых — Бог.

Опустив голову, слушал любимого брата Пётр, и утишилась его душа.

— Обещаю тебе, Павел, что повинюсь и перед Богом, и перед Февронией.

¹ Не́кто — здесь: сатана.

— Молю тебя, брат мой возлюбленный, ещё об одном помни: покаяние нужно прежде всего тебе, а не Богу, ибо Бог ни в ком и ни в чём не нуждается.

На следующее же утро исповедался Пётр в церкви, и прощены были ему его грехи. Когда небо очищается от облаков, тогда солнце показывается во всём своём сиянии. Так и душа, которая сподобилась прощения грехов, без сомнения видит Божественный свет.

Смиренно вернулся Пётр в Ласково и со стыдом повинился перед Февронией и просил, не помня обиды, исцелить его и дал верную клятву взять её себе в жёны.

Феврония, несколько не гневаясь на князя и не укорив ни взглядом, ни словом, вновь приказала вымыть его в бане и намазать той же кисляжью.

Уже к утру исцелился князь и, слава Богу, избавился от проказы. На радостях решил он не откладывать венчания до Мурома, а обручиться с Февронией на Петров день в Солотчикском монастыре, что в пяти верстах от Ласково, а сейчас готовить коляски для свадебного поезда.

Когда Аника передал Февронии решение Петра, она зарделась по-девичьи и, помолчав, сказала:

— Кланяйся от меня господину твоему, но пусть не коляски готовит, а сани.

Пётр долго смеялся.

— Бог с тобой, Аника, какие сани? Ха-ха-ха! Лето на дворе!

А селяне, узнав от слуг об этой нелепице, потешались над Февронией и жалели молодого князя, что принуждён блаженную в жёны брать.

Однако на Петров день, 29 июня, рано утром, неожиданно-негаданно с неба повалил густой снег и скоро засыпал всё зелёное Ласково и далеко окрест.

Сельчане, будто оледеневшие от этого чуда, с открытыми ртами молча стояли вдоль улицы и хлопали глазами, провожая смущённую невесту, ехавшую мимо них к венцу в ярко расписанных деревенских санях.

А Пётр, стоя в церкви рядом с Февронией перед алтарём, любовался её статью и скромностью и уже не стыдился её простоты, а гордился своей мудрой избранницей. После венчания гости и слуги поздравляли молодых, а князь щедро одаривал их золотом.

Весёлый Аника, получив подарок, сказал, хитро прищурясь:

— А не зря, значит, княже, заяц-то перед девой Февронией скакал. Ты не знал, а я тебе не сказал, что в деревнях зайцы завсегда перед невестой от радости скачут.

Потом по обычаю выпил мёду, хлопнул со всего маху деревянную чашу об пол и, растоптав её сапожищем, пророкотал на всю церковь:

— Пусть так под моими ногами потоптаны будут те, которые станут посеять между молодыми раздор, а не любовь!

Что и случилось.

В Муроме князь Павел с иконой Божьей Матери, с любовью и лаской встретил молодых у княжеских палат. Но не всем по душе Феврония пришлась, особенно боярским жёнам.

Толпились они на княжеском дворе, толстые и чванливые, разряженные и раскрашенные по той моде. Лица их были грубо выбелены белилами, щёки натёрты яркой красной краской, а светлые брови — чёрной.

С презрением, не таясь, с ног до головы разглядывали они стройную, неразмалёванную, одетую в простой красный сарафан Февронию.

— И поглядеть-то не на что. Ну ни в чём лепоты нет, — громко вздохнула Матрёна, самая дородная боярыня, из-за своей толщины почитаемая первой красавицей Муромом. — Вот когда я к своему боярину Даниле в дом пришла, на мне жемчугу было более пуда. До того тяжело ходить было, еле выдюжила. Ноженьки два дня с устатку гудели. А у этой девки и колечка-то медного нет.

Но не зря говорят, если у мужа с женой лад, не нужен им клад.

А Пётр больше, чем тленное богатство, приобрёл.

Одни люди венчаются, у других жизнь кончается. Испокон века так повелось, и, по всему видать, это и нас не минует.

Призвал Господь к себе в царствие небесное князя Павла, муромским же князем Пётр стал.

Правил он мудро, честно и справедливо, но не по душе было кичливым боярам, что не по родовитости и богатству молодой князь выделял их, а по добрым делам. И стали думать они, глупыми и корыстными речами своих завистливых жён раззадоренные, что все их беды от молодой княгини. Не любит она, мол, бояр оттого, что сама из простых, из бедных, а потому и принуждает князя Петра бояр угнетать.

И вот однажды, на княжеской трапезе, нашептал им окаянный бес в хмельные головы хулу на Февронию, и стали они поносить её:

— Почто, князь наш Пётр, поругал свой престол? Чего ради сотворил такое? Невозможно разве тебе было обрести невесту честную в нашем Муроме и не крестьянского роду?

А боярин Данила, у которого жена в дверь из-за красоты своей еле протискивалась, громче всех негодовал:

— Тебе, князь, будем верно служить, но княгине твоей не будут наши жёны служить! Как может она над жёнами нашими большинство иметь, а сама простого роду? И жёны наши не хотят служить ей.

Из-за литых боярских спин скользким ужом вывернулся тщедушный Тимофей Тарасьев из самого захудалого рода и тонким голосом наябедничал:

— А ещё Феврония, когда бывает за трапезой с жёнами нашими, собирает со стола крошки в руку, будто голодная.

Князь мрачно выслушал хулителей своих и приказал послать за княгиней.

Затаив дыхание, вытянув шеи, следили бояре за тем, как Феврония по настоянию князя села рядом с ним и поела, а после, по деревенскому обычаю, не таясь, собрала в ладонь хлебные крошки.

Пётр с досадой крепко схватил её за руку и разжал пальцы.

На ладони покорно взглянувшей ему в очи княгини лежали не хлебные крошки, а нежно благоухающий ладан¹.

Ох и хохотал же Пётр над посрамлёнными боярами, которые, толкаясь, повалили вон из палат! Истинно сказал апостол Лука: «Всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится».

С того дня ещё больше князь возлюбил свою жену и никогда уже ничем её не испытывал.

Но не успокоились бояре и не простили Февронии своего позора и, уже не жёнами наученные, а самим сатаной ведомые, через некоторое время явились грозной толпой к князю и потребовали:

— Князь! Если хочешь самодержцем над нами быть, да будет тебе иная княгиня! Не хотим, чтоб Феврония повелевала нами и жёнами нашими. Феврония же

¹ Л а д а н — пахучая смолка, которой в церквах окуривают иконы.

пусть возьмёт богатства сколько пожелает и уходит из Мурома.

И князь растерялся...

— Ступайте, нелюбезные бояре мои, и спросите у княгини. Как она скажет, так и будет, — сказал, не подымая глаз.

Бояре на радостях устроили пир и, когда опьянели, потеряв стыд, смеясь, принялись отрицать Богом данный Февронии дар исцелять, а после заявили:

— Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре говорят тебе: дай нам, кого мы у тебя просим.

Княгиня, одинокая среди этого пьяного, бесправного пира, с достоинством сказала:

— Возьмите кого просите.

А бояре в один голос:

— Хотим, чтоб князь Пётр властвовал над нами, а жёны наши не хотят, чтобы ты была княгиней. Возьми сколько тебе нужно богатства и уходи куда пожелаешь!

Феврония спокойно встала и сказала негромко:

— Обещала вам, чего ни попросите — получите. Обещайте и мне дать того, кого попрошу у вас.

Они же, не зная, что их ждёт, возрадовались и поклялись:

— Что ни назовёшь, без прикословия возьмёшь!

Феврония взглянула на молчавшего князя и сказала:

— Ничего иного не прошу у вас, только супруга моего, князя Петра.

— Если сам захочет — бери! Слова не скажем! — возликовали бояре.

Окаянный враг из преисподней помутил их разум, и переглянулись меж собой со злым умыслом: мол, не станет Петра, мы другого изберём, лучше прежнего. Лучшим же каждый втайне себя считал.

Встал князь, пристально оглядел пьяные, красные от возбуждения лица властолюбивых бояр, глянул в преданные, любящие глаза Февронии, обнял её за плечи и молча увёл от неприязненного стола.

Внушил Господь Петру твёрдость и укрепил его волю, и пренебрёг князь временным царствованием в этой жизни ради Божьих заповедей, где сказано: «Если кто прогонит жену свою, не обвинённую в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует».

Стыд, срам, позор и бесчестие должны были бы обрушиться на злочестивых бояр, которые с великим поруганием изгнали княгиню Февронию и князя Петра из Мурома. Но отсрочил Господь до поры до времени кару святогонам¹.

Пока же они в спешке приготовили суда на Оке, посадили на них князя с женой и слугами, оттолкнули от берега и, обгоняя друг друга, в Муром помчались престол делить.

¹ Святогóны — изгоняющие святых.

Скрипят высокие сосновые мачты, хлопают на свежем ветру крепкие паруса, плывут изгнанники мимо высокого, заросшего цветами берега. Вот и самая высокая колокольня Муром крестом их благословила и пропала из виду...

Исчез, спрятался в дремучих лесах родной Муром, и с ним честь, слава и княжество. В последний раз с тоской глянул Пётр назад и отвернулся.

За ним, на другом судне, Феврония плыла и с тревогой не о Муроме с постылыми боярскими жёнами думала, а о князе любимом. Как он там один в тоске и печали? Не гложет ли бес отчаяния душу его?

Прохладный вечер белые паруса в голубые выкрасил, светлые звёзды над головой заморгали. Стоит озябшая Феврония у борта, не уходит.

Вдруг в темноте возле судна будто кто вздохнул тяжело и протяжно, а потом громко, как доской, по воде сильно хлопнул.

Вздрагнула Феврония и испуганно оглянулась. Позади у руля кудрявый кормщик белыми зубами в темноте сверкает:

— Не пужайся, моя госпожа! Это водяной дед озорует. Такой озорник! Верхом на коряге по реке голый плавает. Весь в тине, а пояс из водорослей накрутил. Ты поди сюда, госпожа, ко мне, а то дед этот сейчас ухвать опять начнёт и руками по воде хлопать.

Подошла Феврония и видит, кормщик этот, искушаемый лукавым змеем, смотрит на неё горящими глазами с вожделением и греховным помыслом. А ведь жена его на том же судне плыла, но ослепил его сатана, чтобы низринуть в грех. Легко проник он в его душу, ведь восьмую тысячу лет упражняется он в искусстве прельщать людей.

Феврония, разгадав его злые помыслы, сказала:

— Человече, почерпни воды с этой стороны судна и испей.

Кормщик с радостью, не зная, что его ждёт, исполнил её просьбу.

— Теперь пойдёшь на другую сторону, почерпни воды и опять испей.

И это выполнил, обуреваемый бесом, кормчий.

— Одинакова ли вода или одна другой слаще? — лукаво спросила Феврония.

— Одинакова вода, госпожа моя, и единого вкуса, — снедаемый любовным жаром, прошептал он.

— Так одинаково и естество женское. Чего же ради сие творишь? Позабыл про свою жену, а о чужой помышляешь!

Бедного кормщика из жара в хлад бросило. Упал он Февронии в ноги и со стыдом умолил простить его. Конечно же простила она его скоро и великодушно. И в святых людях страсти живут, только они их обуздывают.

Долго не приставали суда к берегу, подальше хотел уплыть князь от оскорбившего его честь Муром. Но когда ласковая луна тихо выплыла на звёздное небо, приказал Пётр остановиться и устраивать ночлег.

Пока слуги разгружали суда и ставили шатры, отошёл князь в сторону, сел у воды на камень и, глядя на чёрную реку, крепко задумался: «Что же теперь будет, коль скоро я по своей воле от княжения отказался?»

Неслышно подошла верная Феврония, обняла сзади и прошептала:

— Не скорби, княже! Милостивый Бог, Творец и Заступник всех, не оставит нас в беде.

Но князь печально качал головой и не глядел на неё. Знала Феврония, что грех отчаяния не прощается Богом, ведь грех этот оскорбляет и отвергает Его милосердие, потому подняла мужа с печального холодного камня и подвела к жаркому костру, на котором повар готовил ужин.

— Княже, милый, видишь ли эти два малых деревца, поваром обрубленных, чтобы котлы повесить? Знай же, что станут они наутро вновь большими деревьями с ветвями и листьями и будет это знаком Божьим, что не оставит он нас.

Рано утром поражённый невиданным чудом повар расталкивал спящих на берегу и тащил заспанных людей к пепелищу, посередине которого вместо вчерашних обрубков шелестели свежей листвой два стройных деревца.

А князь Пётр в одной рубахе из шатра выскочил и, не веря своим глазам, схватил стволы деревьев руками и потряхнул, проверяя.

Обильная, холодная роса пала с листьев и окатила его с головы до ног. Вскрикнул князь и захохотал так громко и радостно, что бес отчаяния, возле него уютно прижившийся, от ужаса в Оку скатился и утонул со злости.

В Муроме же осатаневшие от гордыни и властолюбия бояре-святогоны восстали в ярости и принялись безжалостно сечь и бить друг друга. Каждый из них хотел властвовать, но в распре многие от меча пали.

Но и те, что живы остались, до княжеского престола не доползли.

Неведомо откуда явились в город множество прекрасных юношей в пречудных одеждах. В руках они держали великие огненные палицы и обходили все боярские дома и торжища, били обезумевших от страха бояр и грозными голосами, от которых ноги подкашивались, вопрошали:

— Куда девали вы князя Петра с его княгиней Февронией?! Если не возвратите их, то будете все мечу преданы, и дома сожжены будут, и жёны ваши и дети злою смертью помрут, и скоты ваши и пожитки — всё в разорении будет!

Страх, ужас, разорение и гибель поселились в Муроме, и поняли бояре, что не будет им спасения, если не вернут на престол законного князя с княгиней.

На следующий же день, когда слуги Петра грузили пожитки с берега на суда, чтобы плыть дальше в неведомое изгнание, пристали к этому месту многие суда с плачущими боярами из Мурома. Повалились они на колени в своих дорогих нарядах прямо в прибрежную глину и возопили к князю:

— Господине владетель наш муромский! Помилуй нас, рабов своих, не дай нам горькою смертью погибнуть со всеми домами нашими, с жёнами и детьми и со всем скотом и имением вконец разориться.

А брюхастый боярин Данила, кто более всех поносил Февронию, уже не рокотал громовидно, а завывал, будто пёс побитый:

— Умилосердись над нами, грешными, княже! Возвратись на своё отечество, войди в дом свой, сядь на престол княжеский, не дай нам горькою смертью погибнуть от приходящих неведомо откуда великих неких, одеянных пречудно!

А тщедушный ябеда Тимофей Тарасьев вцепился когтистыми пальцами в ноги князя и, трясая опалённой бородёнкой, верещал, будто безумный:

— Пламенья огненные носят с собой! Великие палицы огненные! Спаси, избави нас, княже, от неминуемой смерти!

Молча слушал князь униженных гонителей своих, и ликовала душа его, но не над их падением, а от того, что видел он сейчас не рабские, согбенные спины, а свою

предивную жену, что не предала его в трудный час, а укрепила его верой, надеждой и любовью.

Не хотел князь мстить. Заповедовал нам Бог враждовать только против дьявола-змея. И, чтобы противиться ему, надо уступать людям и не воздавать злом на зло.

Поднял князь с земли грязного, обожжённого огненными палицами Тарасьева и сказал:

— Идите с миром и спросите княгиню мою. Если захочет возвратиться, и я возвращусь.

Толкаясь, забыв спесь и гордость, побежали бояре к шатру княгини, повалились ей в ноги и стали молить:

— Госпожа наша! Хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не хотели, чтобы ты повелевала жёнами нашими, но теперь со всеми домочадцами своими мы рабы твои. Хотим, чтобы вы с князем возвратились на престол свой и избавили нас, грешных, от напрасной смерти.

Кротко выслушала их Феврония и сказала:

— Идите к господину вашему князю Петру. Если захочет вернуться к вам, то и я с ним скоро буду.

Они же в один голос:

— Просили мы его, и он послал у тебя, госпожа, спросить!

Феврония, видя их слёзы и раскаяние, поспешила к Петру.

— Что решила ты, возлюбленная моя?

Прекрасные, полные слёз глаза Февронии сказали князю больше, чем многие искусные речи.

Не помня зла, вернулись князь с княгиней в Муром, где на берегу встречали их все жители от мала до велика и с подобающими почестями проводили до княжеских палат.

Через хулу, злословие и унижение прошли князь с княгиней с достоинством и так же спокойно, как солнце и луна совершают своё течение по небу, когда собаки лают на них с земли.

Стали править они в Муроме, соблюдая все заповеди Господние. Ко всем питали равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, а почитали справедливость и кротость.

Феврония, в молитвах и постах часто пребывая, продолжала творить многие чудеса и не переставала заботиться о сырых и больных, заступалась за вдовиц с малыми детьми, бедным монастырям многое отдавала.

Князь Пётр, видя вокруг кроткий свет её добродетели, и сам рядом с женой иным стал и тоже творил добрые дела, подобно ей.

Жить бы им да жить да людей радовать, только два века не проживёшь, две молодости не исходишь. Пришла и к ним старость, и, предвидя скорый конец, умолили Пётр с Февронией Бога дать им умереть в одно время,

а чтобы и после смерти тела их не расставались, заветали положить их в одну гробницу. Для этого повелели вытесать в одном камне два гроба с тонкой перегородкой меж собой.

Однажды вечером призвал старый князь к себе посевшую княгиню, усадил рядом на лавку, взял её тонкую руку в свою и тихо поведал своё желание:

— О возлюбленная моя, хочу идти в монастырь и принять на себя монашеский чин. Пойдёшь ли со мною?

Феврония поклонилась мужу до земли и сказала с радостью:

— О господин мой возлюбленный, давно ждала я от тебя этих слов, ведь сама не решалась тебе сказать про это. Теперь же радуюсь и только и жду уйти подальше от мира, чтобы быть ближе к Богу.

Многие муромцы недоумевали, зачем ради монашества оставлять княжество, честь, славу и богатство, ведь и в миру можно Богу молиться?

Не понимали они, что между монашеством и мирской жизнью, как говорил Иоанн Златоуст, такая же разница, как между пристанью и морем, непрерывно колеблемым ветрами.

Можно ли среди мирских забот, молвы, искушений и столкновений с грехом достичь такой святости и совершенства, какие с избытком обещает тихая, уединённая жизнь монаха, вдали от суеты мира?

9270
9270

В одно и то же время князь и княгиня приняли монашество. Пётр в мужском Спасском монастыре наречён был новым именем Давид, а Феврония в женском Успенском монастыре — Евфросиньей.

Никто не знает, какие духовные подвиги совершили Давид и Евфросинья в монастыре, но известно, что здесь, в одиночестве, особенно жестоко нападают злые бесы на святых и искушают их день и ночь неотступно. Если живущие в миру борются с бесами, как с ягнятами, то монахи бьются с ними, как с тиграми и леопардами.

Так и жили они, не видя друг друга, и вот однажды, в тёплый июньский день, когда воздух на монастырском дворе густо пропитался медовым запахом цветов, блаженная Евфросинья сидела в своей узкой, прохладной келье и вышивала лики святых на покрывале для храма Пречистой Богородицы.

В дверь постучали, и в келью ступил молодой встреченный монах.

— Сестра Евфросинья, — сказал он, — послан я от брата твоего во Христе Давида. Велел передать тебе, что пришло время кончины его, но ждёт тебя, чтобы вместе отойти к Богу.

— Не могу сейчас с ним идти, — тихо ответила Евфросинья, — пусть подождёт, пока дошью воздух¹. Как дошью, так и буду к нему.

¹ Воздух — здесь: шитое покрывало.

Бледный, похудевший князь выслушал посланца и с трудом сказал:

— Иди скоро к возлюбленной сестре моей... Пусть придёт проститься ко мне... Уже отхожу от жизни этой.

Торопливо вбежал инок к Февронии.

— О сестра Евфросинья! Чего ради медлишь? Князь Пётр кончается и молит тебя проститься с ним.

— Пойди, брате, умоли подождать его малую минуту часа, — не прерывая работы, сказала старая монахиня. — Не много осталось дошить мне, одну стезицу.

Вернулся инок и застал князя чуть живого.

— Скажи моей Февронии, — еле слышно сказал умирающий, — уже не жду её...

Плача, вбежал бедный посланник к Февронии.

— О госпожа княгиня! Князь наш Пётр преставился с миром и отошёл к Господу в вечный покой.

Побледневшая как снег княгиня встала, подняла глаза на Богородицу и трижды перекрестилась. Потом провела рукой по неоконченному шитью, воткнула иглу в воздух, замотала вокруг неё нитку и тихо отошла к Богу...

И понесли светлые Ангелы святые души Петра и Февронии в таинственное, бесконечное небо, где ждал их Тот, Кто даровал им такую любовь, а всем нам вечную жизнь. Было это в лето 6736 года¹ в 25 день месяца июня и чудесно совпало с днём, когда церковь празднует

¹ 1228 год от Рождества Христова.

память преподобной мученицы Февронии. Однако на этом чудеса не кончились.

После торжественного отпевания муромцы пренебрегли желанием князя и княгини положить их в одном гробе, решив, что монахов так хоронить нельзя. Блаженного князя Петра решили они похоронить у соборной церкви Пречистой Богоматери в самом городе, а Февронию в загородном женском монастыре.

Святые их тела положили в отдельные гробы и каждый гроб поставили до утра в своей церкви. Общий же каменный гроб остался пустым в Богородичном храме.

На другое утро множество людей, священники и сам епископ в немом ужасе стояли у пустых раскрытых гробов в той и другой церкви. Куда подевались святые тела Петра и Февронии, никто не знал.

Вскоре прибежал до смерти перепуганный сторож Богородичного храма и, повалясь в ноги епископу, повинился, что заснул он, окаянный, сегодня ночью в храме и не углядел, кто это князя с княгиней тайно в общий гроб перенёс.

Поспешили в храм и увидели все, что и вправду, покрытые Феврониным воздухом, мирно лежат супруги в одном каменном гробу, как и хотели при жизни.

Неразумные бояре дружно решили, что это, видать по всему, верные слуги волю своих господ тёмной ночью исполнили, и потому гневно обругали их и вытолкали вон. После же, как и при жизни они это делали, опять

разлучили верных супругов и положили каждого в свой гроб. На многие тяжёлые засовы были заперты обе церкви, сторожа глаз не смыкали всю ночь, но вновь никто не углядел, как оказались святые тела Петра и Февронии в одном гробу.

Тогда опомнились муромцы и больше не покушались трогать их и со многими слезами и песнопениями погребли святых, как повелевали они сами, в одном гробу, который Бог даровал на просвещение и спасение города Муром, ибо кто с молитвой и верой припадал к их мощам, чудесно исцелялся.

Мы же, ныне живущие, воздадим им хвалу по силе нашей.

Радуйся, Пётр, ибо дана тебе была от Бога сила убить летящего свирепого змея!

Радуйся, Феврония, ибо в женской голове своей мудрость святых мужей имела!

Радуйся, Пётр, ибо, струпья и язвынося на теле своём, мужественно все мучения претерпел!

Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги!

Радуйся, прославленный Пётр, ибо ради заповеди Божьей не оставлять супруги своей добровольно отрёкся от власти!

Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословию за одну ночь малые деревца выросли большими деревьями с ветвями и листьями!

Радуйтесь, честные супруги, ибо Христос осенил вас Своей благодатью так, что и после смерти ваши тела неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед Богом!

Радуйтесь, преблаженные и преподобные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Вера, Надежда, Любовь

*Вера не в том, чтобы креститься,
а чтобы заповеди исполнять.*

— Обручается раб Божий Андрей рабе Божией Любове! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Стоят в светлом храме под золотыми венцами молодые — Андрей и Любаша. Народ ими любит: уж больно хороши оба, красивы, статны, однако Андрей чуток бледный, робеет от торжественных и грозных Божьих слов.

— Да прилепится человек к жене своей, и будут оба в единой плоти, и что Бог сочетал, человек да не разлучит!

И у Любаши от страха Божия и от счастья щёки алеют.

— Мужья, любите своих жён, как Христос возлюбил церковь и предал себя за неё.

Робко глянула молодая на суженого: будет ли таков?

— Любящий свою жену любит самого себя, ибо никто, никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет её.

Седой священник торжественно подал им чашу с вином и напутствовал:

— Пить вам чашу до дна. Это значит — разделить судьбу до конца.

Когда кольца друг другу с трепетом надевали, у Андрея сердце грудь обожгло и душой вдруг услышал: «Отныне и навеки тебе одна жена».

Свадьба была великая, гостей полгорода, музыка, шуты, хохот, а молодые только друг дружку видят и друг дружку слышат.

Полгода пролетели, как один день, и вот призывает Андрея к себе тесть.

— Вот что, зять любезный, пора и о земных делах подумать. Поплывёшь за главного с моими кораблями в Индию, там наш товар на заморский обменяешь и немедленно обратно.

Ну, Любаша в плач, Андрею же хоть и жаль милую одну оставлять, однако гордится, что такое важное и опасное дело ему доверили. Пять кораблей, полны-полнёхоньки дорогим товаром, под тугими парусами по синим волнам летят к неведомой Индии. На первом сам Андрей на ветру и в солёных брызгах стоит и нет-нет да и прижмёт руку к груди. Там у него образок медный Богородицы с Младенцем, сама Любаша на шею надела.

— Глянешь на Богородицу — и нас с дитём вспомнишь, — сказала на прощанье и стыдливо руками округлый живот прикрывала.

Первые дни в Индии мужики, да и сам Андрей от страшных слонов шарахались: как бы не раздавили невзначай. Дивились, что коровы у них по улицам в пыли валяются и не пасут их и не доят, как у нас в деревнях, а за священных почитают и с дорог не гонят. Недоверчиво на голых и многоруких богов каменных косились, а еду их старались не есть, только свою. Видели однажды, как в кипящий котёл вместе с овощами повар змеюку шмякнул. Может, индийцу змеюка сахар, нам же она — смерть.

Чудеса чудесами, но торговали бойко и за неделю все свои товары на драгоценные камни, блестящие, яркие ткани и пахучие пряности обменяли. В самый последний день перед отплытием пошёл Андрей по городу прогуляться и забрёл в древний, разрушенный храм. Вошёл в заросшие багряными цветами ворота и пожалел об этом.

В храме этом целая орда голозадых обезьян поселилась, и как увидели они Андрея, завизжали, запрыгали, зубы оскалили, за порты Андрея тащат, а одна даже на грудь вспрыгнула и всю рубаху от злости изорвала!

— Ну, чего разорались, идолы?! В аду вы, что ли? — расшвыривает их ногами и руками Андрей. — А ну, брысь!

И бегом от греха к воротам, а там, незнамо откуда он взялся, сидит в пыли чёрный, аж синевой отдаёт, индус в грязной чалме. Перед ним корзина, а из корзины здоровенная змеюка, с руку толщиной, торчит. Индус с закры-

тыми глазами на пузатенькой дудке чего-то заунывное гудит, а змеюка капюшон раздула от злости или, может, оттого, что музыку шибко любит, и у самого индусова носа покачивается.

Андрей бочком-бочком мимо индуса прошмыгнуть хотел, а тот вдруг гудеть бросил, глаза открыл и говорит не по-своему, а по-нашему:

— Ты, чужеземец, нарушил покой мёртвого города и разозлил сторожей его. Ты, чужеземец, должен за это заплатить, иначе не выйдешь.

— Надо так надо. — Андрей достал горсть золотых монет.

Индус цоп их — и в корзину!

— Совсем мало дал, — гундосит, — видишь, змея шипит: ещё хочет. Вот это давай! — И показывает грязным пальцем на иконку с Богородицей.

Андрей широкой ладонью образок накрыл.

— Я ваши обычаи почитаю, а ты моих не тронь. Этого я тебе вовек не отдам!

— Отдашь! Отдашь!! — завопил вдруг индус и сейчас же стал расти, расти, и змея его тоже, и выросли оба выше ворот! Нависли над Андреем, всё небо закрыли и шипят злобно.

— Свят, свят, свят! — отпрянул назад Андрей и перекрестился.

Хоть и свои у них боги, а нашего креста колдун этот испугался, опять стал худым и маленьким, как прежде,

9270

а вот глаза такой адской злобой налились — у его змеи добрее.

— Попомнишь меня, Андреюшка, — трясётся, как в ознобе, — будешь знать, как на великого чародея Мардария крест налагать!

— Уймись ты, колдун! — рассердился Андрей. — И змеюку свою мне в лицо не тычь, не то башку ей оторву.

— Великой принцессе Аммоне голову рвать?! — завизжал чародей и вдруг на одном месте завертелся юлой вместе со своей «принцессой», превратился в высокий пылевой столб и с воем улетел прочь.

Андрей же иконку поцеловал и скорым шагом из мёртвого города к кораблям заспешил.

Вечером по сиреновой воде отплыли, слава Богу, и так шибко понесло их тёплым ветром, что чайки едва за ними поспевали.

На девятый день все пять кораблей посреди моря встали, как в песке увязли, и ни туда ни сюда. Ветер дует, а они стоят, как на якоре! Мимо них другие корабли плывут, а они будто в лёд вмёрзли. Старые поморы насупились, меж собой шепчутся, видать, морской дьявол дани просит.

К вечеру, как только солнце померкло, вскипела вдруг пузырями вода возле кораблей и выплыло блестящее, чёрное чудище, похожее на скользкую медузу, но размером с кита. От великой волны корабли чуть не пере-

вернулись, а нескольких моряков за борт снесло и ни один не выплыл.

Андрей в борт вцепился, кричит чудищу:

— Эй ты, зверь морской! За что корабли мои держишь?!

— Дани жду-у-у!! — тяжким голосом, как из преисподни, отвечает.

— Что ж тебе надо, жемчуга или золота?!

— Тебя-а-а!!

— Да за что же мне смерть такая?! — ужаснулся Андрей.

— За обиду великому Мардари-ю-у!

— Не бывать этому! — схватил в сердцах бочонок с солониной и швырнул в чудище.

А чудищу эта бочка — как слону слива! Однако оно осердилось и один корабль перевернуло. Корабль вместе с людьми — камнем на дно, а зверюга морская в воде колыхается и жутким голосом, от которого кровь стынет, воет:

— Не спрыгнешь в воду — всех утоплю-у-у!

Оглянулся Андрей на своих, глаза их, полные ужаса, увидел и говорит бодро:

— А что, братцы, приуныли? Не бойсь! Кому сгореть, тот не утонет! Если не выплыву, Любаше моей земной поклон и прощение, и дите моё в сиротстве не оставьте. Жене скажите, что не отступился от неё, потому что Бог навек мне её дал. Ну, а вы простите, если кого обидел.

Перекрестился широко, «Благослови, Господи!» крикнул и спрыгнул вниз с борта, прямо на скользкую спину чудища, и вместе с ним на дно провалился, так, что только страшный водоворот на этом месте завертелся.

Корабли враз посрывались с этого гиблого места.

Тьма, холод и страшная тяжесть навалились на Андрея, и отлетела от него на время душа, а когда наконец очнулся, увидел, что не на дне морском и не в пасти чудища лежит, а на горячем белом песке и смотрят на него не пучеглазые рыбы глаза, а чудесные девичьи.

Сидит рядом с ним девица неземной красоты. Длинные, до земли, чёрные волосы блестят и искрятся, как уголь, кожа нежней, чем у младенца, зубы жемчугом переливаются, губы тёмным бархатом отливают.

— Кто ты? — сел Андрей.

— Сама не знаю, — улыбнулась девица, — сколько живу на этом острове, никого, кроме тебя, не видела. А тебя волной нынче на берег выбросило, весь в тине и ракушках был. Утоп, что ли?

— Нет, меня колдун в чалме вместо выкупа морскому чудищу отдал и в морскую пучину вверг. Может, и тебя этот злодей сюда забросил?

— Не знаю, — печально вздохнула девица, — однако вставай, пойдём в дом, отдохнёшь от пережитого.

И пошла по краешку берега, босыми ногами на морские камешки ступает, а камни эти тотчас в драгоценные превращаются! Красные гранаты, зелёные сапфиры, изумруды чистейшей воды, золотистые сердолики сверкающей дорожкой за ней стелются.

Андрей полные пригоршни набрал и ахнул — настоящие!

— Ай да девица! — молвил.

А она идёт, не оборачивается, будто ничего особенного в этом чуде нет. Пришли они к зелёной роще, а в ней не ёлки с берёзами росли, а какие-то диковинные деревья. Листья у них толстенные и на вёсла похожие, стволы мохнатые, с колючками и сплошь цветами до самых макушек увиты. А цветы-то — не васильки или выюны какие мелкие, а с большую тарелку, переливаются розовым и фиолетовым цветом, а пахнут так сладко, что у Андрея голова, как у пьяного, закружилась.

Посередь тенистой рощи снежно-белый дворец разноцветными окошками горит.

— Думал, в ад попаду, а в раю оказался, — восхищённо качает головой Андрей.

Внутри дворца тишина и прохлада, ковры мягкие на полу, на низеньких столиках фрукты-ягоды диковинные, на золотом блюде еда всякая, однако видом не наша. В хрустальных кувшинах чего только не налито, но браги и кваса нет.

И началось у Андрея житьё, какое не у всякого царя-короля бывает. Ест, спит, по острову гуляет, с девицей приятные разговоры разговаривает, а она возле него не как хозяйка, а как служанка вьётся, ни в чём не перечит, и то ему, и это, и пятое, и десятое. Всё, что ни захочет, уже здесь. Для другого мужика такая жизнь только в сказочных мечтаниях привидеться может. Андрею же пустая, бездельная жизнь эта скоро наскучила. Затосковал...

Сидит-грустит на бережку, в воду от нечего делать драгоценные камни швыряет и думает: «За морем веселье, да чужое, а у нас горе, да своё... Сейчас бы щец кисленьких да ржаного хлеба с огурцом! Эх, Любаша, Любаша...»

Почуяла грусть-тоску его девица-хозяюшка и однажды тёмной ночью, когда Андрей в своей опочивальне на шёлковых покрывалах лежал и в оконце на чужие звёзды глядел, тихо к нему вошла, села на край кровати и стала волосы ему нежно рукой перебирать.

— Полюбился ты мне, Андреюшка, — шепчет, — всё ждала, что ты мне это скажешь, а ты даже по имени меня ни разу не назвал.

— А какое у тебя имя? — смутился Андрей.

— Я не знаю. Но хочешь если, зови меня так, как твою жену звать.

— Любаше-ей?! Ну нет! Любаша у меня одна. Сестрой тебя буду звать.

— Не могу тебе сестрой быть, но хочу женой тебе быть.

— Прости, хозяйюшка, жена у меня уже есть, Богом данная, и мы с ней в церкви повенчаны. А двух жён быть не может — грех это.

— Да какой же грех? Ты ведь отсюда никогда больше домой не воротишься. Кому же верность твоя нужна? Ведь не ждёт тебя уже никто, даже жена. Ты же для всех в море сгинул, чудищем проглочен. Здесь же мы с тобой как в раю жить будем, и никто нас на всём белом свете на острове этом не разглядит.

— Бог разглядит, — поднёс Андрей образок к губам.

— Вот что тебя держит! — засмеялась девица. — Медяшка! Давай я её в море брошу, если сам боишься.

— Да ты в уме ли?! — вскочил Андрей с кровати. — Не медяшка это, а совесть моя.

Потемнели глаза у девицы, брови нахмурила, губы сжала в ниточку, и сразу красоты у неё поубавилось. Встала и ушла с обидой.

Душная ночь все звёзды загасила, а дурман-цветы Андрея усыпили, но чудится ему во сне, будто кто в опочивальне есть. Силится глаза открыть, а не может: руки-ноги как брёвна тяжёлые стали, не пошевелить.

— Господи, — шепчет, — что же это?!

Вдруг кто-то в крошечной тьме как взвизгнет, да так страшно, будто чем острым Андрееву голову насквозь

проткнул. Открыл он наконец глаза — и похолодел. Вокруг его кровати неподвижно висели в воздухе какие-то безобразные, волосатые страшилища. Сами они были почти невидимы, а вот налитые кровью глаза горели в темноте такой лютой ненавистью, что у Андрея от ужаса волосы дыбом встали.

Внезапно кровать его затряслась как в лихорадке и, сорвавшись с места, под адский визг и хохот мерзких бесов, как бешеный конь, принялась скакать, прыгать, переворачиваться и носиться по комнате.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! — помертвевшими губами беззвучно шептал Андрей.

Побелевшими пальцами вцепился в края кровати, чтоб не свалиться, потому и перекреститься не может.

Вдруг дверь неслышно открывается, без всякого страха девица-хозяйка входит, руки к нему тянет и говорит:

— Андрей! Андрей! Послушай меня, я знаю этих духов, им не ты нужен, а медяшка твоя. Отдай её им, или разорвут тебя!

Пока же говорила, визг и бесовский хохот стихли, кровать на место встала — ждут.

— Ага, сейчас, — говорит Андрей, правую руку поднял и перекрестил себя и всех чертей направо и налево.

Всё бесовское наваждение, словно дым, сильным ветром сдуло, исчезло всё, как и не было.

Одна бледная девица осталась и говорит с печалью:
— Ведь они каждую ночь теперь являться будут, пока не погубят. А я тебя уж спасти не смогу.

— Кто в меня душу вложил, тот и вынет. Будь что будет, а от Бога и жены своей не отступлюсь.

— Да знаешь ли ты, безумный, как твоя ненаглядная веселится сейчас? А ты лютой смертью за неё, гулящую, умереть хочешь? Пойдём, поглядишь.

Вышли в ночной сад, она его к беседке подвела.

— Ну, гляди на свою Любушку! — и захохотала Андрею в лицо.

Сейчас же внутри беседки синий огонь полыхнул, и превратилась она в стеклянный дом, а дом-то точь-в-точь его, Андреев! И видно сквозь прозрачные стенки, что в его опочивальне сидит на лавке какой-то чернявый молодец в расстёгнутой красной рубахе, на цыгана похожий, а у него на коленях с распушенной косой и в рубахе исподней его Любаша!

Хлюст этот что-то жарко ей на ухо шепчет, целует её в губы, а она на спину откидывается и хохочет распутно, как девка гулящая. Андрей от ужаса и омерзения будто в землю врос, стоит деревом, глаза огнём полыхают, кровь в сердце вскипела. Ещё бы чуть-чуть — и проклял бы свою жену! Но Бог каждому по силе его крест налагает и не даёт искушений сверх его меры. Вот и сейчас заставил Он Андрея пристальней взглядеться и увидеть в своей жене что-то не то, не её.

Вот! Рука-то, которой она чернявого обнимала, шестью пальцами шевелила!

— Да ведь это бес, а не жена моя! — выдохнул Андрей. — Господи, слава Тебе! Открыл Ты мне очи.

И только истово перекрестился, как вместо обольстителя сидит на лавке тот самый индус-колдун, а вместо мнимой жены его — девица-хозяйка со змеиными глазами!

Андрей и их широко перекрестил, и тотчас стеклянный дом вздрогнул и с грохотом разлетелся во все стороны блестящей мелкой крошкой. Будто холодными брызгами его окатило. Зажмурился, а когда глаза открыл, видит, что лежит он на палубе своего корабля, а вокруг товарищи на него с испугом смотрят.

— Ты чего, Андрей Степаныч, нас пугаешь? — тревожно старшой говорит.

— Да что со мной было-то?! — растерялся Андрей.

— Да у тебя, видать, от индийской жары разум помутился. Влез вдруг на борт и ни с того ни с сего — бултых в море!

— Да как же ни с того ни с сего?! — вопит Андрей. — А корабли-то встали как вкопанные, забыли?! А чудище выплыло, один корабль утопило и меня вместо дани в пучину забрало?!

— Да Бог с тобой, Степаныч! — хохочут товарищи. — Как плыли, так и плывём без всяких чудищ!

— Да сколько же времени прошло, как я за борт махнул?! — чуть не плачет Андрей.

— Да с полчаса, может, пока тебя обратно из воды не выволокли и не откачали.

У Андрея голова кругом пошла.

— Ну не привиделось же мне? — бормочет. Однако не стал более товарищей убеждать: всё равно не поверят ни в кровать скачущую, ни в девку шестипалую, ни в стеклянный дом.

Через месяц к родным берегам пристали. Народу на берегу — тьма! Радости-то у жён, матерей и детей! Вот и Андреев тесть важно усы крутит, рад, что не подвёл его зять, а рядом Любаша его желанная!

Андрей сбежал к ней по узким сходням со всех ног, а она мимо него на корабль глядит, кого-то высматривает.

— Любаша! Аль не ждёшь меня?! — опешил Андрей.

Охнула Любаша в испуге, смотрит на Андрея, будто впервой видит.

— Да ведь ты седой совсем! — шепчет.

— Седой-седой, а деток рожать молодой! — хохочет тесть. — Две дочки у тебя, Степаныч!

— К-как две?

— А так. Послал нам Господь на счастье Веру и Надежду. Так их в церкви без тебя окрестили.

Ночью, сидя возле сомлевшего мужа, Любаша перебирала руками его седые волосы и вдруг тихо сказала:

— А ведь я всё знаю, что с тобой было...

— Как знаешь?! — вздрогнул Андрей. — Я ведь тебе ничего про эту страсть не рассказывал!

— И не рассказывай. Душа-то у нас с тобой от Бога одна, а потому всё, что с тобой будет, и мне откроется.

«Аз воздам»

Однажды, на Светлую Пасху, одна бедная вдова покрасила луковой шелухой два яичка и говорит сыну:

— Пойди, Ванятка, в церковь и подай яичко нищему, а другое мы в доме оставим, вдруг кто похристосоваться придёт.

Пошёл Ванятка в церковь, народу наряженного на улицах тьма! Только и слышно: «Христос Воскресе!» — «Воистину Воскресе!»

Возле церкви нищие столпились, у всех полны котомки румяными куличами да крашенками, а в сторонке одиноко стоит худой старичок в плохонькой одежонке, и ничего у него в руках нет.

Ванятка к нему.

— Христос Воскресе, дедушка! Возьми яичко вот.

— Воистину Воскресе, милый! — обрадовался старик. Поцеловались они трижды, он и говорит: — Я тебя тоже одарить хочу. Давай крестами меняться!

И снимает с себя нательный крест, а он как жар горит!

— Нет, дедушка, мой-то простой, а твой золотой!

— Ничего, милый, бери. А как захочешь ко мне в гости прийти, поцелуй этот крест и скажи: «Господи, благослови!» — и увидишь, что будет.

Счастливым Ванятка бегом домой, матери ничего не сказал: заругает ведь за дорогой крест. До обеда терпел-терпел, что, мол, будет, если крест поцеловать, и не выдержал.

Взял горячий крест, поцеловал и только сказал: «Господи, благослови!», как сейчас же оказался на девятом небе, в цветущем райском саду. И слетает к нему чудной красоты Ангел и говорит:

— Чадо, не ужасайся и не бойся ничего. Пойдём со мной!

И привёл его Ангел в сказочной красоты дворец. В первой палате, полной благоуханных белых цветов, Ангелы и Архангелы райскими голосами поют. Во второй невиданными драгоценными камнями сверкающей палате сама Пречистая Богородица с апостолами хвалу Господу воздавала, а в третьей, самой дивной палате, золотом, жемчугом и изумрудами изукрашенной, стоял посередине высокий Божий престол, а на нём в неизречённом сиянии — Сам Христос в белоснежной ризе. В руке Он держал скипетр, чтоб судить дела человеческие, а вокруг него бесшумно Херувимы и Серафимы летали.

— Подойди ко мне, милый, — говорит ласково Христос. — Я — тот самый старичок, которому ты яичко подарил.

У Ванятки от страха ноги к полу приросли, язык иссох. Спасибо, Ангел под руки его к престолу поднёс и усадил рядом с Христом.

— Посиди здесь немного. Я скоро приду, — сказал Христос и ушёл вместе с Ангелами и Херувимами.

Ванятка огляделся с любопытством, поёрзал на золотом троне, осмелел, взял в руки тяжёлый скипетр и сейчас же увидел, что на земле делается.

И видит он, как пятеро разбойников подкопали под церковь и хотят её ограбить.

— Ах вы, тати окаянные! — вскрикнул Ванятка. — Вот я вам сейчас!

Поднял он Божий скипетр, которым человеческие дела судятся, и сказал грозно:

— Пусть сия церковь обрушится и задавит грабителей!

И тотчас церковь с шумом обрушилась и подавила всех татей и прихожан со священником, которые в ней были.

Поворотил Ванятка голову в другую сторону и увидел, как на море разбойный корабль догнал другой, купеческий, зацепил его за борт крючьями, и принялись разбойники грабить его усердно, а купцов за борт скидывать.

— Повелеваю утопить сей корабль и всех разбойников с ним! — грозно поднял скипетр Ванятка во второй раз.

И тотчас морская пучина поглотила и разбойный и купеческий корабли со всеми людьми, ведь сцеплены они были крючьями.

В третьей стороне увидел Ванятка, как целый город в пьянстве, воровстве и блуде пребывает, и закричал страшным голосом:

— За беззаконие сие провалиться этому городу сквозь землю!

И сейчас же с ужасным грохотом, дымом и пламенем обрушился весь город в преисподню!

Милостивый же Господь скорым шагом вошёл в палату и, увидев Ванятку на престоле со скипетром в руке, сказал сурово:

— Немилосердно судишь! Посидел ты на моём престоле четверть часа, а погубил без покаяния триста тысяч человек. Если б ещё столько посидел здесь, ты бы весь народ без покаяния погубил! Я — Господь, Творец всех людей, и только Я могу карать или миловать.

Отобрал у перепуганного Ванятки скипетр и велел Ангелу снести его с неба на землю.

Через несколько лет ушёл Ванятка в глухой скит, стал отшельником, и когда к нему, уже старцу, народ приходил за советом, как поступать им с жадными обирателями, бессовестными хулителями и жестокими обидчиками, говорил:

— Не губите свою душу мстью. Только Господь может карать или миловать, потому что сказал Он: «Мне отмщение. Аз воздам».

Сундук змей

Кто одержим сребролюбием, того бес уже не смущает другой страстью, ибо и этой достаточно для его гибели.

Чего только в Сибири не было: и лесов, и зверей, и добрых людей, но таких дружных братьев, как Семён и Ефим, других не было, лучше и не ищи — состаришься, а не найдёшь.

Вот раз по осени возвращаются братья из лесу с удачной охоты, хохочут, дурачатся, толкают друг дружку. А вот и тысячелетний дуб, за которым тропка прямо к их избе бежит.

Вдруг, откуда ни возьмись, выходит из кустов лысый, с седой бородой старичок в рубахе до пят, руки в стороны растопырил и говорит испуганно:

— Робята, вы по этой тропке не ходите. Христом Богом вас молю!

— А чего там, дед? Соловей-разбойник в дупле сидит? — хохочут братья.

— Ой, милые, хуже! Там один злодей прям на тропке вашей сундук кованный, полный змей ядовитых, на вашу гибель приготовил!

— Да ладно, дед, не пугай! Что мы, змей, что ль, не видали?

— Таких не видали... — опечалился дед и скрылся в орешнике. А был это Николай Угодник.

Вышли братья на тропинку, и впрямь — стоит поперёк неё большой кованый сундук!

— Глянь, не обманул старик-то! — говорит Степан. — Ты встань-ка в сторонке с ружьём, а я палкой крышку поддену. Если и впрямь змеи полезут, пали без страха.

Поддел Степан длинной палкой крышку, и открылась она со скрипом, однако не страшные змеи оттуда метнулись, а яркий свет брызнул от золотых слитков, доверху в сундуке лежавших!

— Ух ты!! — вскрикнули оба разом. — Ну и дед, ну хитрован! Змеи, говорит, а сам себе небось сундук заграбастать хотел!

— Ну, Ефим, чего делать-то будем? Ведь на эти деньги мы всю Сибирь скупили!

— За телегой пока беги, Семён, а я сундук постерегу.

Семён уток да зайцев подстреленных наземь бросил и что есть мочи в деревню. Прибежав запыхавшись, кричит жене:

— Ульяна! Чего мы с Ефимом в лесу нашли! Он там караулит, оголодал небось. Собери-ка ему лепёшек, а я пока лошадь запрягу.

Ульяна, как сказано, горячих лепёшек в тряпицу завернула, и пошёл Степан с ними в конюшню, и вот тут бес ему и шепнул на ухо:

— Зачем тебе делиться-то, Семён? Одно дело — полсундука, а совсем другое — полный, а, Семён?

И руку его в берёзовую коробью, где крысиную отраву прятали, сунул. Как во сне достал Семён горсть белой отравы и все лепёшки ею пересыпал.

Примчался на телеге в лесок, где брата оставил.

— Ефим, — кричит, — ты где?!

А из кустов вдруг — ба-бах!! Выстрел — и прямо в сердце!

— Вот он я, — усмехаясь, встал в кустах Ефим, из ружья дымок вьётся. — Что, братец, пол-Сибири захотел? Не-ет, она вся моей будет! Ха-ха-ха!

А мерзкий, невидимый бес на сундуке от радости скачет, скалится: «Ай да я, ай да молодец, рогатенький!»

— Чего это у него в тряпице? — развернул Ефим узелок. — А-а, лепёшек мне вёз, дурень, — и откусил.

Вот как... Не может человек вредить ближнему, не вредя самому себе.

Превращение

В одной деревне богатей жил, такой толстый, что и ходить не мог, а только на перинах на крылечке в тенёчке лежал и толстым пальчиком указывал, куда кому идти надо и чего там сделать надобно.

Там же бедняк жил и ничего, кроме жены и пятерых детей, не нажил.

Приходит как-то к богатейу древний старичок.

— Пусти, государь мой, — говорит, — к себе на ночлег.

— У меня, — тот ему гордо, — ни бедные, ни убогие, ни подорожные никогда не ночуют. Да и ты не будешь. Иди в ту хату, что небом покрыта, там тебя пустят.

— Голубок мой, а где та хата, что небом покрыта?

— Да вон, — показал толстым пальцем на беднякову избёнку.

— Спасибо тебе, голубок мой, — ласково старичок речёт, — нагнись-ка, я тебя за доброту поглажу.

Ну и погладил его по голове, а богатей возьми и в коня превратись. Привёл его старичок к избе, что небом покрыта, стучит.

— Государь мой, пусти на ночлег!

— Заходи, дедку, — обрадовался хозяин, — у меня все ночуют — и бедные, и убогие, и подорожные.

— Да я с конём, вишь ли. Куды его деть и чем накормить?

— Да на дворе переночует, трухи от соломы пожуёт — более ничего нет.

Наутро старичок прощается.

— Дарую тебе на твоё сиротство этого коня. Работай на нём сколь тебе надо.

Ну, бедняк с женой и всей ребятнёй ему в ноги повалились, а после запрягли коня и из лесу на нём брёвен на новую избу навезли. Повеселей зажили с конём-то! И пашут на нём, и боронят, и внаём отдают. Через год снова тот самый древний старичок объявился.

— Узнаёшь ли меня? — у коня спрашивает.

А тот печально головой кивает: ещё как, мол, узнаю. Тогда старичок этот — а ведь это сам Господь был — погладил его по голове, и конь опять в человека перекинулся.

Отощал за год-то, куда брюхо делось, шея от хомута в мозолях, и вопит слёзно:

— Господи! Не оставляй меня конём! Завсегда теперь всех убогих и старых привечать буду!

— Ладно, смотри у меня, — говорит Господь, — я проверить приду.

А ведь эдак он может к любому прийти, как думаешь?..

Как мужик Господа в гости ждал

Один богатый, набожный мужик Макар ежевечерне на коленях молил Господа прийти к нему, грешному, в гости. Как уж он не боялся просить и о чём говорить с Ним хотел, не знаю, но только однажды слышит в своей избе голос Господа:

— Жди меня на Пасху. Так и быть, приду к тебе.

Мужик-то забегал, заметался, всех слуг в шею погоняет, чтоб избу до блеску отскребли, а сам в город слетал, целый воз заморских яств припёр.

На Пасху в новой рубахе за богатым столом сидит, красный весь от радости, ждёт. Стучат. Он аж подпрыгнул, думает, Христос здесь, открывает, а там сосед, который в прошлом году его свинью кнутом отстегал, чтоб в огород к нему не лазила.

— Прости меня, — говорит, — Макарушка, за свинью-то. Что ж мы с тобой целый год из-за неё не ладим.

— А поди ты отселя! — озлился Макар. — некогда мне с тобой целоваться! — И захлопнул дверь.

Время к обеду. Нет никого!

Вдруг скрипнула калитка, Макар — к оконцу, а по двору старуха-паломница с клюкой ковыляет.

— Подайте, люди добрые, что можете, убогой, — и до земли кланяется.

— А ну пошла прочь отседова! — разъярился Макар. — Не срами мне двор своими обносками!

Вот уж и вечер, Макар с горя выпил и уж ждать отчаялся, вдруг скребётся кто-то. Отворяет, а там пёс бездомный, весь в репьях, скулит от голода.

— Ну, вот я тебя сейчас, — шипит Макар и сковородником в него запустил.

Перед сном на молитве горестно Макар Христовой иконе говорит:

— Что же ты, Господи? Ждал тебя, ждал, а ты не пришёл...

— Трижды приходил к тебе! — вдруг говорит Христос с небес.

— Да как же? — обомлел Макар. — Да ведь я целый день из избы не выходил, а не видел Тебя!

— В первый раз Я как сосед пришёл, прощения у тебя просил. Ты же Меня выгнал. Во второй раз Я старухой-паломницей за милостыней пришёл, а ты опять Меня выгнал. В третий раз тварь Божью, собаку, к тебе послал...

— А я её — сковородником! — в ужасе шепчет Макар. — Так ты, Господи, по-всякому приходить можешь?..

И с тех пор Макар просветлел душой, никому ни в чём не отказывал и не обеднел от этого, потому что доброму Бог даёт, а у скупого чёрт таскает.

Никола-поручник

В некоем царстве, в московском государстве жил, как водится, в бедности один мужик, а богатство его — жена и семеро ребят в придачу.

Перебивались они с хлеба на воду, а там и хлеб кончился, и вода утекла. Что делать? Надо к богатею идти, займы просить.

— Да ведь не даст... — тербит бороду мужик. — Возьму-ка образ Николы Угодника как залог и поруку за долг.

Вот приходит мужик к богатею, который на тёмных делах богатство нажил, и просит: дай займы, мол, Христа ради.

А богатея на него, будто лев, заревел:

— Да ты что, прощельга этакий! Ну можно ль тебе верить?! Что с тебя взять-то можно будет, если не отдашь?!

— Будь милостив, выручи, — кланяется мужик, — не дай помереть. Заработаю — с лихвой отдам!

— «Отдам»! Знаю я вас, отдавальщиков!

— Право слово, отдам, — крестится мужик, — вот тебе Никола порукою.

Богатея исподлобья, недоверчиво глядит на икону, а мужик спрашивает у Николы с почтением:

— Будешь ли мне, Божий угодник, порукою в долге?

— Буду, буду! — вдруг басом сказал кто-то.

Богатея аж сел с перепуту, он ведь не знал, что это жена мужика за окном басыла, но двадцать рублей отсчитал, а икону на божницу поставил.

— Через месяц чтоб весь долг здесь был!

Мужик с женой на радостях побежали на базар, накупили всего, кое-как дотащили. Целый месяц беззаботно ели-пили, а завтра долг возвращать надо.

Затосковал мужик, взять больше негде, кроме как у чертей. Поохал, повздыхал и пошёл в полночь на болото. Влез на кочку и кричит:

— Эй, бес! Тут ли ты?!

— Чего надо?! — забулькало из болота.

— Душу свою продать хочу.

Вылез из болота чёрт, синий, зелёный, дурной.

— А что взамен хочешь? — щурится.

— Двадцать рублей.

— Ну загну-ул! Мы такие деньжищи только богухляникам отваливаем, а у тебя Никола в избе висит. Вдруг тебя Ангелы после смерти у нас отспорят, и плакали тогда наши денежки. Иди ты отсюда! Всем давать — самым зубами щёлкать.

Воротился мужик ни с чем. С одной стороны рад, что душу не продал, а с другой что? Долговая яма позорная.

0125
Ульян

— Пойду отсрочку попрошу.

Приходит, в ноги богатею повалился.

— погоди, родимый! дай ещё недельку сроку!

— Чего ждатель-то?! — рычит богатея. — Умел брать — умей и отдавать!

— Да рад бы, да нечем!

— А раз нечем, с поручика твоего спрошу! — топнул ногой богатея.

Сдёрнул с полки икону Николы, бросил её на лавку и давай стегать кнутом, приговаривать:

— Отдай деньги! Деньги отдай! Отдай деньги! Деньги отдай!

Мужик в ужасе попятился.

— Ты что же, безбожник окаянный, делаешь-то?! — вопит. А богатея и его вдоль спины приласкал.

Мужик как угорелый на улицу выскочил, чуть не сшиб дедка седого с ног.

— Куда несёшься, милый?! — улыбнулся дед. — Пожар, что ли?

— Хуже!! — кричит мужик. — Николу, поручика моего, порют из-за меня! Эх, кабы мне кто двадцать рублей ссудил, я бы век на него старался, лишь бы роднёного Николу вызволить!

— Да вот, возьми, — вынимает деньги старик, — тебе сейчас нужнее.

И-и! Как мужик обрадовался! Вернул богатею деньги, а тот уж взопрел весь от порки.

— А-а, — говорит, — не зря я его вздул, будет теперь знать.

А мужик в обнимку с иконой на улице, где его старичок поджидает.

— Спасибо, дедусь, вызволил я своего Николушку! Теперь тебе служить буду. Говори, что делать надо.

— Нынче ночью спрячься во дворе церкви и жди, что будет. А как увидишь, делай, что сможешь, — загадкой сказал старик и пошёл прочь.

Пришёл мужик ночью к церкви, встал в темноте за деревом, стоит ждёт, сам не знает чего. Вдруг слышит: окно тихонько заскрипело, открылось, и вылезает из церкви человек с большой алтарной иконой в руках.

— Ах, ирод! — охнул мужик. — Церкви грабить! — Да как прыгнет диким тигром на разбойника и давай его кулачищами валтузить.

— Помогите-е-е!! — орёт тать во всю моченьку. — Убьёт дура-а-ак!

На крик люди сбежались, осветили фонарём вора, а это тот самый богатей! Он, видишь ли, бесами алчными подученный, решил дорогого Николу в окладе из церкви спереть. Если, мол, из бедного образа столько денег вышиб, то из богатого мешок выбью.

А к мужику-спасителю в толпе тот седенький старичок подошёл и шепнул тихонько:

— Вот и сослужил ты мне службу. Второй раз от поругания спас. Ну, прощай, милый!

— Да ты кто же будешь?!

Старик обернулся и с улыбкой кивнул на спасённую икону.

— Николай Угодник! — охнул мужик и без сил на землю повалился.

Народ же решил, что это он в битве за икону так пострадал, и за такое геройство сделали старостой церкви.

В достатке стал жить.

Бревно

Покорное слово гнев укрощает.

Кузнец да жестянщик по краям деревни селятся, чтоб не досаждают своим стуком и грохотом соседям, а куда же отселять мужа с женой, во вражде живущих?

С утра до ночи в избе Степана и Марфы визг, будто кошке хвост прищемили. Это Марфа с мужем беседуют. Когда же пушки грохочут, это Степан противника громит. Много лет без мира воюют и, хоть молодые совсем, однако от злости состарились раньше времени. Да и было бы из-за чего воевать! Спроси каждого, из-за чего спор был, зачем посуду били, и не вспомнят.

Однажды, как и всегда, ссора, будто порох от искры, вспыхнула, и такие позорные слова Степан про себя услышал, что, задохнувшись от злости, пульей из избы вылетел и так дверью грохнул, что стёкла задрожали и иконка Николы с гвоздика на пол упала.

Чуть не бегом три улицы Степан отмахал. Волосы всклокочены, пиджак не застёгнут, так и шагнул, сам не зная зачем, в маленькую церковь. Стоит, дышит тяжело. Какие там молитвы — ничего на ум не идёт!

Подходит к нему какой-то бедный старичок, лысый, с седой бородой.

— Что, — говорит, — Степан, опять воевали?

— Откуда знаешь-то?

— Да ты весь кипишь! Из глаз искры, из ушей дым, изо рта пламя.

«Ну погоди, змеюка, — Степан думает, — вернусь, я тебе все волосья повыдеру! Вон как мужика довела — уже все видят!»

— Не-ет, Степанушка! Эдак ты её не одолеешь, — будто мысли его прочёл, говорит старик.

— А ты, что же, секрет какой знаешь?

— Знаю, — улыбается, — пойдём, покажу.

Выходят из церкви, идут по улице.

— Вот, погляди, — указывает старик на двух мужиков, что пытались тяжёлое бревно в ворота втащить.

Мужики красные, злые, пыhtят, ругаются, ничего у них не выходит, потому что бревно поперёк ворот пытаются протащить.

— Заходи назад! — орёт один.

— Сам заходи! — огрызается второй.

Ругались, ругались, никто уступить не хочет. Плюнули, бросили бревно и ушли в разные стороны.

— Вот и вы так же друг дружке не уступаете. Гордыня в вас беснуется, а она до добра не доведёт. Как эти с бревном не вошли в ворота, так и вы со своей гордыней в райские врата не пройдёте.

Степан в затылке скребёт, стоит насупившись.

— Ага, — говорит, — уступаю я ей, а она — нет. Будет ли польза?

— Будет, будет! — улыбается старичок. — Грязь грязью не смоешь, огонь огнём не загасишь. Только покорное слово гнев укрощает.

Пока Степан думал, сапогом землю ковыряя, старик ушёл. Пошёл и Степан к себе. Только вошёл задумчиво, Марфа с лавки подскочила — и к нему со скалкой! Еле терпения ей хватило, чтоб мужа дожидаться и чтоб последним словом не его грохнувшая дверь была, а её ухватистая скалка.

Замахнулась на него привычно, а он и не закрылся, и не отпрыгнул, и не схватил табурет в оборону, а сделал то, от чего у Марфы рука ослабла и скалка из вялых пальцев на пол брякнулась.

Поклонился Степан ей в пояс и говорит с покаянием:

— Прости меня, Марфа, что в доме у нас не мир, а война. Моя вина, что ни в какой малости тебе не уступаю. Теперь же слова поперёк не скажу.

Марфа глазами хлоп-хлоп. Не-ет, думает, не проведёшь! Хитрость какую удумал! Не на такую напал!

Однако на стол собрала, в молчании пообедали. Марфа за мужем настороженно наблюдает, ждёт от него каверзы, а каверзы никакой и нет. «Может, он от скалки головой повредился?» — думает. Так до самого вечера Степан ей во всём уступал, ни в чём не перечил, и вот

это Марфу и взбесило. Давай ни с того ни с сего кричать, визжать, ногами топать, а Степан всё одно талдычит: «прости» да «прости».

— И что же это я одна как припадочная верещу? — опомнилась наконец. — Рядом с такой кротостью собачкой гавкаю!

Села на лавку — и ну реветь!

— Ой и да чего же мы с тобой наделали-и-и! Ой и на чего же мы свою жизнь потратили-и-и!!

А Степан рядышком сел, обнял её и тоже басом заревел. Так и ревели, пока не устали. Как семена имеют нужду в дожде, так и душа нуждается в слезах, чтобы смягчить её чёрствость и жестокость. Вот и эти, отплакавшись, по-новому на себя глянули и улыбнулись.

— А ты чего это, Степан, вдруг такой добрый стал?

— Да один старик мне бревно показал, оно-то меня и перевернуло. — Наклонился и поднял с пола иконку Николая Угодника. — Господи! Да ведь это он, тот старик! Да быть такого не может!

И после этого чуда стал Господь деток им слать — одного за другим, одного за другим, так что люльку едва освобождать успевали.

Живой покойник

Коротка молитва, а спасает.

Жил-был хороший, безотказный мужик, Тихоном звали. Всё умел делать, вот это умение его и сгубило. Придёт к кому-нибудь печь перебрать, сделает быстро, ладно, с любовью, ну, хозяин ему премию кроме денег, рюмку нальёт, другой — две, и пошло-поехало!

Сначала только после работы пил, а потом во вкус вошёл и перед работой начал — «для ловкости пальцев и гибкости мозгов».

Однако пальцы его вскоре негнушались стали, а сам он превратился в самого горького пьяницу во всём городе. Когда под забором валялся, бесы его своим шершавым языком пробовали: тёплый ещё или уж можно крючками в ад волочь. Так потом даже у них, бесов, три дня язык от горькой водки горел!

Не стали его в дома звать, потому что «гибкость мозгов» у него такая сделалась — по гвоздю молотком попасть не может.

Идёт он однажды осенью по улице, бесцельно в землю уставившись, и думает равнодушно: «Эту зиму не протянуть уж мне. Ну и ладно».

Вдруг слышит, кто-то в окошко ему стучит. Глянул — знакомая вдова, у которой он дверь чинил, зовёт: зайди, мол. Зашёл, кепку снял, у порога мнётся.

— Ты моего мужа Ивана помнишь? — спрашивает вдова.

— Как же, помню. Его на фабрике колесом железным зашибло.

— Сегодня пять лет с того дня. Хочу камень на его могилку заказать, а денег нет. Вот только цепочка золотая — он подарил. Ты ведь всех мастеров знаешь, Тихон, сходи поторгуйся, может, кто возьмётся за эту малую цену, а? А я тебя за это всю зиму кормить буду.

— Попробую, — степенно Тихон говорит, а сам рад, что кто-то ему ещё верит.

— Да ты не потеряй цепочку-то. Больше у меня ничего нет.

Завернула её в бумажку и Тихону во внутренний карман поглубже затолкала. Идёт Тихон и размышляет, как бы вдове помочь, ведь никто за такую цену связываться не будет. А тут кабак на пути.

«Зайду, — думает, — может, кто чего подскажет».

Однако хозяин ручищи растопырил и давай позорить при всём народе:

— Иди отсель, пьянь подзаборная! У тебя долгов пять возов.

— А кто ты таков есть?! — выпятил грудь Тихон. — Я вот заказ получил и плату тоже!

9270

И показывает всем цепочку в бумажке. Кабатчики его под руки и со всем почтением за столик, а на столике, откуда ни возьмись, водочка в запотевшем лафитничке, а на закуску друзья-собутельники подсели.

— Ну, Тихон, опять в люди выходишь. Это надо обмыть.

Через час Тихона без чувств из-под стола выволокли, цепочку платой за водку забрали, а бумажку с усмешкой обратно в карман затолкали. Самого же на его любимое место, под забором, уложили. Под утро очнулся, весь в росе, окоченел, стал вспоминать, что вчера было, и ужаснулся. Поминальные вдовьи деньги пропил!

— После такого, — шепчет, — жить никак нельзя. Буду здесь лежать, пока не околею. Найдут меня, закопают поглубже, а позор мой ещё долго по земле бродить будет. Нет, Тихон, вдовьи деньги надо вернуть, а после уж можно и ножки протянуть!

Пока эдак вот в раздумье лежал, люди на работу пошли и наткнулись на Тихона, а он от сраму глаз не открывает, лежит не дышит, холодный, будто мёртвый.

Бабки сбежались, запричитали: прибрал, мол, Господь непутёвого Тихона, однако надо его по-христиански похоронить.

Тихон лежит, ни гугу, а бабки — такие расторопные! — уж гроб дешёвенький дощатый раздобыли, положили его в гроб-то и в церковь снесли, пускай, мол, ночь постоит, завтра батюшка отпоёт — и на погост.

Ну, лежит Тихон в гробу, руки на груди сложены, в пальцах свечка, вокруг головы восковые цветочки, тишина в церкви, только горячий воск ему со свечи кап да кап, кап да кап на руку, а ему ни пошевелиться, ни поморщиться нельзя. Какая-то женщина в чёрном платке сидит на скамеечке возле его гроба и тихонько плачет.

Уж и служба давно кончилась, и сторож церковь на замок замкнул, а эта сидит и сидит. Монашка, что ли? Тихон лежит, не шелохнётся, терпит, ждёт, когда эта женщина уйдёт или уснёт, чтоб ему из гроба выбраться.

Приоткрыл один глаз, чтоб поглядеть, кто это по нему, беспутному, так убивается, а женщина низко сидит, не видно её. Зато прямо перед собой, на стене, видит: большая икона Богородицы, «Неупиваемая чаша» называется, та самая, что от пьянства спасает.

«Ну надо же, — думает, — прямо под эту икону меня поставили. Эх, дурень я, дурень! Не в гробу к этой иконе являться надо, а живьём. А сейчас кто я есть? Живой покойник!»

Закрыв глаза и заплакал тихонько над пустой своей жизнью, да так горько заплакал, что уж и не чувствует, как воск ему руку жжёт. Вот так и плачут они вдвоём в тёмной церкви, женщина — на скамеечке, а Тихон — в гробу.

«А-а, — догадался наконец, — знаю, кто это плачет. Вдова это! И не по мне убивается, а по цепочке своей».

И так ему стыдно за свой грех стало, что возопил про себя: «Пресвятая Богородица! Прости меня, злодея! Если жив буду, в рот зелья не возьму, только помоги мне: слабый я, один не справлюсь. А цепочку эту я отработаю, вот Тебе крест!»

И торжественно перекрестился в гробу. Испуганно глаза открыл; не видела ли вдовица? А перед ним на лампаде, что перед иконой висела, та самая золотая цепочка качается!

Тихон вместе с цветочками из гроба на пол вывалился, стоит, рот беззвучно, как рыба, разевает и рукой вдове на цепочку указывает, вот, мол, она, не убивайся напрасну.

— Я по тебе плачу, — вдруг чуть слышно сказала эта женщина. Подняла голову — и Тихон от ужаса будто каменный стал. Заплаканными глазами кротко смотрела на него сама Богородица!

— Не бойся меня, Тихон. Коротка была твоя покаянная молитва, а спасла тебя. А теперь иди и то, что вдове нужно, возле церковной ограды найдёшь.

В это время цепочка качнулась и соскользнула с лампадки на пол, Тихон, как во сне к ней подался, поднял, глядь — а скамейка пуста!

Тут дверные засовы загремели, двери отворились, свет утренний церковь залил, и первой, кто в церковь вошёл, вдова была. Еле на ногах устояла, Тихона живого, возле пустого гроба, увидев.

— Господи, помилуй! Да как же это? Ведь ты вчера умер, я тебя, бедного, отпевать пришла...

— Да нет, жив пока, — смутился Тихон, — это душа у меня чуть обмерла на холоде, а здесь, в тепле, ожила. А камень я тебе нашёл, Варвара. Пойдём, глянешь. Одна хорошая женщина для своего заблудшего сына приготовила, думала, помер он, а он — нет, выздоровел, слава Богу. И цепочку твою не взяла, вот она, в целости.

Варвара недоверчиво ему в глаза глянула, женщину не проведёшь: неправду за версту чувствует, а неправды-то в его глазах и не было...

Божья искра

Послал Господь с неба на землю грозного Ангела — забрать души у пятерых грешников: скряги, пьяницы, вора, душегубца и богохульника.

Пока Ангел собирался, Богородица быстрее его на землю голубкой слетела, чтоб помочь грешникам этим раскаяться, ведь в самых страшных злодеях, в отличие от падших бесов, Божья искра живёт. Как в потухшем костре, глубоко под мёртвой золой она тлеет и хоть тепла не приносит, однако если раздуть её, быть может, новый костёр от неё возгорится, а в человеке новая жизнь заалет.

Первому к скряге-сребролюбцу явилась Богородица. Прикинулась сгорбленной старухой и говорит:

— Вот и смертушка твоя, Демьян! Собирайся.

Демьян как подкошенный на колени пал.

— Не губи, — вопит, — смертушка! Дай мне ещё три года сроку, чтоб миллион накопить.

— Да ты, никак, не понял, Демьян, кто я? Бросай свои мешки с деньгами, сундуки с золотом, шубы, которые не носишь! Мне ты безо всего нужен. Голым в мир пришёл, голым и уйдёшь, ничего в ямку не утащишь.

— Дай мне ещё три месяцу сроку! — вопит Демьян. — Для чего же копил я, чтоб вот так всё и бросить?!

— Ни тебе самому, ни другим пользы от твоего богатства не было. Бес сребролюбия разум тебе помутил и оставил одного. Ни семьи у тебя, ни детей, ни друзей, ни дел добрых. Сгинешь сейчас, никто и не заметит, никто добром не вспомнит. Зачем жил-то, Демьян, сам знаешь?

— Не губи, смертушка! — плачет Демьян. — Права ты. Денег у меня море, а счастья ни капли. Дай мне три дня ещё, я всё на себя истрачу!

— Через три часа за тобой приду, а пока делай что хочешь, — сказала и исчезла.

Демьян по комнатёнке убогой заметался, тайники подпольные да застенные пораскрывал, весь пол ворохом денег да золотом завалил, сел на него без сил и с ужасом думает: «Не успею! Не успею ведь!! Мыслимо ли за три часа такую прорву денег на себя истратить?!»

Вдруг колокол за окном — бам! Бам!

— Да что ж это? — похолодел. — Час пролетел, всего два осталось!

Напихал денег по карманам и как безумный на улицу выскочил. Возле церкви нищие калеки его обступили, подай да подай им. А как подашь, жалко ведь, на себя скоплены!

Одна женщина в лохмотьях в ноги ему повалилась:

— Подай, Христа ради! Младшенький помер, похоронить не на что. А я тебя век поминать буду!

— Правда?! — восторженно вскрикнул Демьян — хоть кто-то его вспомнит.

Дал ей денег, а другие тоже руки тянут: и мы тебя век не забудем, благодетель ты наш.

— Да уж не забудьте, — торопливо рассовывает по рукам деньги, — Демьяном меня звать!

Обратно в дом метнулся, теперь уж целую корзину денег волочит и напрямик в церковь.

— Батюшка, — говорит священнику, — прими это на храм Божий, да поминайте тут меня, когда помру. Демьяном Кузиным меня звать.

— Господи, слава Тебе! Только я подумал, чтоб воскресную школу для ребятишек открыть, а ты тут как тут! Не только поминать тебя будем за доброту твою, а именем твоим школу назовём!

— Ну да?! — не поверил Демьян. Сердце от радости сжалось, что не исчезнет он с земли теперь бесследно, и вдруг почувствовал, что совсем не жаль ему этих денег!

Божья искра, что у него в душе теплилась, разгорелась вдруг и обожгла беса сребролюбия, что в нём прижился. Бес этот, плюясь и кляня Демьяна и в хвост и в гриву, выскочил из него как ошпаренный и побёг новую нестойкую душу соблазнять. А Демьян, как на крыльях, в дом влетел, а там его огненный Ангел поджидает.

— Господь за тобой послал, — грозно говорит Ангел, — сейчас забираю душу твою алчную!

— Погоди, милый, — без страха, с улыбкой отвечает Демьян, — погоди чуток! Мне ещё вон какую прорву денег раздать надо.

— Да ты что же, раскаялся, что ли?! — всплеснул руками Ангел.

— Раскаялся, раскаялся! — впервые за столько лет рассмеялся Демьян. — Ты уж мне не мешай, пожалуйста.

— Да разве Ангелы в раскаянии мешают? — улыбнулся посланник Божий и оставил Демьяна на земле ещё не на три часа, а ещё на тридцать лет.

После Демьяна Богородица возле горького пьяницы на базаре объявилась.

Стоит Матвей вместе со своим собутыльником, трясучка их бьёт, руки ходуном ходят и прохожим детские валенки, Матвеевой дочки, продают. Двое-трое повертели в руках эти валенки. «Да вы что, — говорят, — из ума выжили от водки-то? Это уж не валенки, а дыренки!»

— Да где они дыры-то видят?! — таращит пьяные глаза Матвей. — Новые совсем!

А это Богородица людям глаза от валенок отводила. Подходит Она к ним в простом белом платочке, как крестьянка.

— Ну что, Матвей, — говорит, — жену в могилку свёл, теперь с дочки последнее принёс? В чём она теперь в церковь пойдёт, о тебе молиться?

— Да чего уж обо мне молиться, — отмахнулся Матвей, — поздно уж.

— А сам-то давно в церкви был? — не отходит Богородица. — Как ты дочке-то говоришь: «Хоть в

церковь и близко, а ходить склизко, а кабак далёхонько, да хожу тихохонько». Так, что ли?

— Чего привязалась? — встрял трясучий товарищ его. — Чего мы в твоей церкви не видали?!

— А не видал ты, Матвей, вот чего, — сказала Богородица и перекрестила трясучего.

И враз перед ошалевшим Матвеем не приятель его, а он сам встал, да в таком мерзком обличье — срам, и ничего боле. Худой, зелёный, в чирьях, глаза заплыли, мутные, на носу капля качается, губищи, как у лягушки, фиолетовые, из ушей жёлтые волосья кустятся, и воняет от него, как из выгребной ямы.

— И вот такую образину, Матвей, дочка твоя терпит, любит и прощает... А ты с неё последнее принёс.

— Неужто я такой?! — передёрнулся от омерзения Матвей и перекрестился.

И тотчас шелудивый бес, который его приятелем прикидывался, злобно взвизгнул и сквозь землю провалился!

— Посмотри под стелькой валенка, — говорит Богородица, — жена тебе весточку с того света прислала.

Дрожащую руку сунул в валенок и вытаскивает сто-рублёвую бумажку, на которую можно корову купить!

— Пospеши домой и делай с этими деньгами что хочешь, — сказала Богородица и скрылась в толпе.

А Матвея словно обухом по голове. Ведь это от его побоев жена померла, а теперь, выходит, простила?

— Катеринушка, Катеринушка, — бормочет сквозь слёзы, — меня, идола, простила... Я ведь из-за этого пить начал, думал, залью грех водкой... А теперь, раз прощён я, разве смогу подвести тебя?

И, в каждой руке по валенку, помчался по сугробам домой, а кабак за три улицы, как чумное место, обежал.

Влетает в избу, а дочка, поджав под себя озябшие ноги, ласково спрашивает:

— И где же ты бегал без шапки? Уши вон все обморозил.

— Да я тебе, это... валенки подшивал, а под стелькой вон чего нашёл! — Деньги ей показывает, а сам незаметно слёзы рукавом смахивает.

— А чего же ты плачешь тогда?

— Да ведь от радости! У меня ж вместо души одна водка проклятая бултыхалась, а ты, доченька, Божью искру в ней разглядела и верой своей пропасть не дала. Я сей же час весь свой инструмент пойду выкуплю, ох и заживём тогда!

— Господи! — удивился сидевший на лавке невидимый никому грозный Ангел. — Ещё один грешник раскаялся! Не могу пока душу его забрать.

И улетел так же бесшумно, как прилетел.

В тот же день в небольшой уральский городок возвратился с жестокой сибирской каторги знаменитый вор Гришка, по прозвищу Валет. Прозвали его так за то, что красив был, как карточный валет, и многим женщинам сердце разбил вдребезги.

Десять лет киркой мёрзлую землю долбил, на мокром тюфяке спал, гнилую картошку ел, теперь вот вернулся без былой красоты. Жгучие глаза приугасли, кудри поредели, а кое-где и совсем вылезли, грудь впала, сгорбатился. Однако ремесло своё не забыл, в болото гнить не бросил.

— Авось оно меня прежним Валетом сделает, — мечтает дурень плешивый.

Эх, известно, русский человек на трёх столпах держится: авось, небось и как-нибудь. Однако авоська верёвку вьёт, а небоська петлю накидывает.

Ну, идёт Григорий по городу, дома оценивает, где можно без испугу пожить, и наткнулся на такой. Стоит в сторонке, в тихом переулке без прохожих, маленький

уютный особняк. Осторожно в окна глянул — вроде нет никого. Замок на двери немудрёный, открылся быстро, вошёл и стал на цыпочках вверх по лестнице подыматься.

Осторожно в большой зал вошёл. Никого. Посреди зала большой стол богато накрыт, видать, к празднику.

— Ну надо же, в первый же день — и так повезло, — потирает руки Валет, потом рюмку водки налил, опрокинул, грибок солёный прямо рукой из салатницы выловил и туда же, вслед за водкой, отправил.

В спальне наволочку с подушки содрал и сгрёб в неё со стола все серебряные приборы. Огляделся, чего ещё плохо лежит, и увидел в углу икону Богородицы в золотом окладе. Он и её, идол, в наволочку сунул.

Взвалил добро на спину и видит на комод, на вышитой салфеточке, фотография в простенькой рамочке стоит, а на фотографии он сам, Гришка, только молодой, красивый, усатый, а рядом прижалась к нему кротко скромная девушка.

— Ну надо же, к кому в гости забрёл, — усмехнулся беззаботно, — а эту, кажись, Варей звали. Пацана родила, да я сбёг вовремя.

И только шагнул к выходу, как вдруг во дворе шум, смех, гармонь заиграла, топот по лестнице! У Валета ноги подкосились, еле успел за занавеску в другой комнате встать, как распахнулась дверь и в залу ввалились весёлые гости, а впереди молодые.

— Из церкви, видать, с венчания, — трясётся за занавеской Валет.

А гости шумят, хохочут, молодых поздравляют, и вдруг все смолкли, и какая-то женщина говорит ласково:

— А вот сейчас неожиданный-негаданный подарок молодым и хозяйшке. Я вам не сказала, что привела сюда тайно Мишенькинова отца. Жизнь его по всей матушке России носила и вот сюда занесла.

Медленно отодвигается занавеска, и все видят скрюченного, серого от ужаса, с остановившимися глазами Гришку, а в руках набитая наволочка, и из неё икона торчит.

— Вот, Мишенька, — говорит сваха, — отец твой пришёл благословить вас иконой.

— Отец! — радостно ахнул высокий, на Гришку похожий парень.

— Ну, что ж ты, Григорий Петрович, робеешь? Благослови молодых-то! — смеётся сваха.

— Да-а-а... я-а-а... э-э-э... — мямлит что-то невнятное Григорий Петрович, а сам глаз не спускает с городского, который среди гостей с шашкой стоит и задумчиво ус крутит.

— А он и подарок свадебный принёс, — продолжает сваха.

— Ну, покажи, покажи, Григорий Петрович, что у тебя в наволочке!

У Валета руки от страха и позора ослабли, и вилки с ножами с грохотом на пол посыпались! Гости засмеялись,

серебро подняли и к столу пошли, а Гришку городской не только не арестовал, а даже под локоток к молодым подвёл и усадил между матерью, той самой робкой Варей, и сыном.

Тихая Варя ему закусок подкладывает заботливо, ничего не спрашивает, а только ласково улыбается, а в глазах такое счастье светится, что у Гришки еда в горле комом встала.

В голове же, как летучая мышь по комнате, мысль мечется: «Так это я к себе в дом влез! Кого грабить собрался, гад?! Сына?! Не-ет, таких земля не должна носить, лучше опять на каторгу».

Встаёт со стула, гости умолкли, думают, тост скажет, а он вдруг:

— Гости дорогие, сын мой с невестушкой, а также Варенька! Послушайте, что скажу вам. Я ведь сюда не в гости пришёл, а сына своего грабить. Вот как.

Гости онемели от неожиданности, а потом как покажутся со смеху!

— Ой, — кричат, — уморил, Григорий Петрович! Гляньте на него, грабитель нашёлся! Ха-ха-ха!

— Да правду я говорю! — разволновался Гришка. — Вот вам крест! — И перекрестился. — Вяжите меня, проклятого, в кандалы забивайте, что хотите делайте, правду говорю, что сегодня будто прозрел я. Перед Богом клянусь, не будет отныне никакого Валета, а будет только Григорий Петрович!

Гости испуганно переглядываются, тишина — как на поминках, и вдруг тихая Варя громко:

— Гришенька! Ты, пожалуй, не пей больше, а то гости и впрямь решат, что ты разбойник какой. Не знают ведь, что ты шутник у меня.

— Ну, Петрович, напугал! — загоготал громовидно городской. — Ха-ха-ха! Сделай милость, не шути больше, а то подавлюсь!

Варя силком Гришку на стул усадила и руку его под столом крепко сжала, чтоб помалкивал, ну он и покорился.

И полилась свадьба дальше, как ей положено. А в уголке под иконой сваха с невидимым Ангелом сидят.

Он и говорит ей:

— Госпожа Пречистая Богородица, третий грешник, за которым я Господом послан, сегодня раскаялся! С чего бы это? — Лукаво на «сваху» посмотрел и исчез.

Тёмна ночь над дремучим муромским лесом, а в самом лесу — тьма подземельная.

«Ух-ух-ух!» — захохотал гибельно сыч, и тотчас вдалеке, на лесной дорожке, заскрипели колёса повозки.

— Ага, привёл-таки чёрт, как обещал, кого-то на погибель! — ощерился страшный, до глаз заросший чёрной, спутанной бородищей Яшка-душегуб и вытянул из-за пояса безжалостный топор.

Всё ближе скрипят колёса, и уж видно из-за старой берёзы, за которой Яшка схоронился, тащит уставшая

лошадь скрипучую повозку, а на ней, среди узлов, баба в платке дремлет.

Яшка потихоньку убрал подпорку, что заранее подрубленную берёзу держала, и с шумом свалил её поперёк дороги. Лошадь испуганно захрапела, попятилась и встала, а Яшка диким зверем метнулся к бабе, топором привычно замахнулся, и...

— Здравствуй, Яшенька! — вдруг ласково, без испуга говорит та баба.

Яшка от неожиданности топор на ногу уронил.

— Не узнал? Забыл небось мать свою?

Яшка свои разбойные бельма выпучил, и впрямь перед ним мать его сидит, и такая же молодая, как двадцать лет назад перед смертью была!

— Сгинь! Сгинь, сатана! — в ужасе отшатнулся. — Рано явился! Пошёл прочь!!

— Не бойся, сынок! Видишь — крест на мне, а вот на тебе его нет. Сорвал и выбросил, потому в душе у тебя не Бог, а сатана прижился.

— Да откуда ты взялась-то?! — затравленно, из-за дерева кричит Яшка, а самого трясёт, как в лихорадке.

— Пришла я с того света, сказать, что тебя там ждёт. А ждёт тебя не дождётся дьявол. Перед Самим Господом похваляется, что есть на земле Яшка-душегуб, ни один бес с ним в зверстве не сравнится. И приготовил он тебе такую страшную муку, перед которой весь ад раем покажется.

— Да больно боялся я! — огрызается Яшка. — Даже и рад буду. Что заслужил, то и получу.

— Да ты, что же, раскаиваешься, сынок? — с надеждой спросила мать.

— Ну ещё чего! Не дождётесь! — хохотнул из темноты. — Никого не жаль, кого загубил. Чего они мне хорошего сделали, люди-то?! После твоей смерти хоть один помог мне?! Вот я их и убиваю за это...

— Тогда и меня убей, — тихо сказала мать и сняла с себя платок. — Нельзя мне теперь на небо вернуться, ведь ты плоть моя, значит, и я вместе с тобой сорок невинных душ загубила...

Яшка набылся, молчит, губы кусает.

— Да если б кто со мной добром хоть раз, вот как ты, поговорил, разве пошёл я с топором мстить?! — взревел вдруг с отчаянием.

— Бог заповедовал нам враждовать только против дьявола, — кротко сказала мать. — Вот если б против него ты ополчился, не разрывалось бы сейчас моё сердце от горя.

Закрыла лицо руками и заплакала так горько, что Яшка завопил что было мочи:

— Да что ж ты из меня жилы-то тянешь, а?! — Подскочил к поваленной берёзе и, скрежеща зубами от страшной тяжести, поднял её и взвалил себе на плечо.

— Уезжай, уходи, мать, к себе, не томи душу — и так тошно, — трясётся от напряжения. — Легко, думаешь,

мне тут, как вепрю дикому, скрываться?! Ведь они все, убитые эти, здесь, со мной рядом, стоят и молчат. В крови все, а я, слышь, остановиться не могу! Сидит во мне сатана, правильно ты говоришь, он властелин мой. Что скажет, то и делаю не противясь. Кабы мог, удавил бы его!

И тут нога у него подвернулась, а может, сатана, озлившись, толкнул, и берёза всей своей тяжестью придавила Яшку к земле.

— Матушка! — хрипит. — Умоли Господа принять тебя обратно. А за меня не проси: мне прощения нет... Скажи Ему, что ради тебя и всех загубленных любую муку приму с покаянием...

Внезапно вспыхнул ослепительный свет, и возле берёзы встал грозный Ангел с мечом.

— Пресвятая Богородица! — молвил он женщине, сидящей на повозке. — Вот и ещё один раскаялся! Да только душу его я заберу, ведь умер он.

— Забери, милый, — тихо сказала Богородица, — и помоги тебе Бог, ведь так трудно будет его душу у бесов отбить.

— А меч на что? — улыбнулся Ангел.

Яркая вспышка озарила мрачный лес, и не стало ни Ангела, ни Богородицы, ни повозки с лошастью. Мрак же сгустился после света пуще прежнего, так что даже старый филин не смог разглядеть под тяжёлой берёзой задавленного Яшку.

Божья правда требует, чтобы грешник был наказан за свои грехи, и лучше ему быть наказанным здесь, на земле, временно, чем в будущей жизни бесконечно.

Известный петербургский врач Лев Ефимович Яковлев сидел развалившись в кресле-качалке, в своём отделанном дорогим деревом кабинете, болтал в воздухе коротенькими ножками и курил. Неслышно отворилась дверь, и в кабинет тихо вошла красивая темноволосая женщина в длинном атласном платье.

Лев Ефимович не встал, как должен был бы сделать при появлении дамы. Он привык не церемониться с пациентами, кто бы они ни были: мужчины, женщины, молодые, старые, бедные или богатые, лишь бы платили.

Врач он был хороший, все в нём нуждались, и людям приходилось унижаться перед ним, чтобы попасть на приём. Как все небольшого роста мужчины, он был тщеславным и высокомерным. Постепенно высокомерие к людям переродилось у него в цинизм, а позже — и в брезгливое презрение ко всем без исключения, кроме себя.

Себя Лев Ефимович обожал и ценил так высоко, что говорил о себе «мы». «Мы пошли», «Нам бы хотелось» и так далее. И, как многие, обуреваемые гордыней люди, в Бога не только не верил, но поносил Его и богохульствовал где только можно.

Итак, перед ним, скрестив на груди тонкие белые руки, стояла женщина с удивительно глубокими и печальными глазами.

«Ну, сейчас начнёт плакать, руки заламывать и просить, чтобы я бесплатно какую-нибудь сироту чахоточную вылечил», — поморщился Лев Ефимович.

— Я вас излечить пришла, — вдруг тихо сказала женщина.

— Что?! — дёрнулся в кресле Лев Ефимович. — Меня лечить?! Кто вы такая? Как вы сюда попали? Вы записаны на приём?

Он схватил со стола бронзовый колокольчик и принялся с остервенением трясти его. Однако колокольчик не звонил, хотя язычок и бился по его стенкам.

— Что за чёрт! — рассердился доктор и вскочил с кресла. — Где-то я вас, сударыня, видел, а? Признайтесь, это не вы вчера у Гурвича на пол без чувств брякнулись? Нет? Тогда где же я вас видел?

— Может быть, в церкви? — робко спросила женщина.

— К дьяволу вашу церковь! Бред какой! Я там был однажды, потом плевался целый год. Какое невежество! Придумали какого-то бородатого деда верхом на облаке — и ну себе глупые лбы расшибать! Где он, этот ваш Бог? Вы его видели? И никто не видел! А душа? Сколько раз в анатомичке ни вскрывал человека, никакой души там нет, одни кишки и прочая мерзость.

— Так, по-вашему, чего нельзя увидеть, того и нет?

— Конечно! — вскричал доктор. — Это же наука!

— Значит, и мысли нет, раз её не видно?

— Но позвольте! Есть прибор, который её производит, — мозг!

— И вы знаете, как он устроен, как запоминает, как думает, как чувствует?

— Нет, наука пока не совсем уяснила, каким образом осуществляется мыслительный процесс, но...

— Как же можно умом постичь Бога, если человек ещё не понимает самого ума, которым он хочет постигнуть Его?

Лев Ефимович оторопело заморгал, пощёлкал пальцами, но так и не придумал, что можно было бы сказать в ответ. Сказать было нечего.

— Так вы пришли о Боге со мной поспорить, — прищурился Лев Ефимович и высокомерно посмотрел на женщину снизу вверх. — Извольте! Объясните мне, как этот ваш добренький Бог, который ужасно всех любит, не покончит с войнами, катастрофами, эпидемиями, смертью невинных детей, а?

— Как малое дитя не способно судить о поступках своего отца, так и человек не способен понять дел Господа.

— Ах, во-от в чём дело! — язвительно осклабился Лев Ефимович. — Значит, я, известный на всю Россию врач с университетским образованием, дурнее этого нищего плотника Иисуса? Что же, этот умник, сын Бога, как вы говорите, пошёл на позорную смерть, ожидая, что тотчас все люди изменятся. Ха-ха! Глупость какая! Они

как были мерзавцами, так и продолжают красть, насиловать, убивать, и сделать Он с этим ничего не может!

— Но те, кто уверовал в Него, спаслись. А другие... что ж, всё человеку позволительно, но не всё полезно. Каждому воздаётся по делам его, так же, как и вам.

— Ой как страшно! — захохотал Лев Ефимович, падая в кресло. — И как же в Него уверовать, чтоб не пропасть? Ха-ха-ха!

— Как магнит притягивает не всё, к чему приближается, а только железо, так и Бог ко всем приближается, а привлекает только тех, которые схожи с Ним.

— Значит, не удостоился быть схожим с Ним?! Ха-ха-ха! Какое несчастье!

— Бедный... — тихо сказала гостя. — Раз Господа отрицаешь, значит, и дьявола тоже? А он вот, за тобой пришёл...

Лев Ефимович резко обернулся и увидел сидящее у него на спинке кресла мерзкое, глумливо улыбающееся существо.

— Нету! Нету Бога! — завизжал пронзительно Бес. — У нас теперь, в аду, жить будешь!!

— Что это?! — прошептал позеленевший от ужаса Лев Ефимович. — Неужели?! — И, схватившись за сердце, грохнулся на пол.

Тихо, безутешно плакала Богородица, ведь ей всех жаль, даже поносящих Сына Её.

Ангел же так и не появился здесь. Нет его рядом с богохульниками.

Ожог

Каждого дело обнаружится.

— Эх, от трудов праведных не наживёшь палат каменных!.. — каждое утро вздыхал Антон Михалыч и, улыбнувшись, принимался за любимое дело — старые книги переплетать.

В одной комнатке его дома, на постеленной прямо на полу чистой скатерти, ожидали своей очереди старые, рваные книги. Посередине же другой, пропахшей клеем и кожей комнаты стоял крепкий стол, а на нём хозяином не самовар, а переплётный станок восседал.

Ни для жены, ни для детей места в доме не было, поэтому Антон Михалыч их и не заводил. Работал он чрезвычайно медленно, по два-три месяца заказчики своих книг не видели, а всё потому, что, когда Антон Михалыч брал в руки очередную книгу и начинал бережно листать её ветхие страницы, он не мог удержаться, чтобы не прочесть что-нибудь, причём почему-то с конца.

Знал, знал Антон Михалыч об этой пагубной для работы страсти, однако каждый раз простодушно думал: «Только конец прочту, и всё — и за работу». Так и застывал с книгой посреди комнаты до обеда или до вечера.

Особенно божественные книги любил он. Мудрые старцы в этих книгах о самом сложном говорили так просто и кратко, что иному писателю трёх томов не хватило бы, чтобы о том же рассказать. Например: «Постоянно делай что-нибудь доброе, чтобы дьявол всегда находил тебя занятым».

— Как верно, как верно сказано! — бормотал Антон Михалыч, мечтательно глядя на потолок. — Вот и я каждый день Божий книги поновляю, бес меня и не трогает... Однако и Господь не награждает. Эх, прошу Его, прошу, чтоб помог в скучном житье, а Он помалкивает.

Только так подумал, перевернул страницу и читает: «Если молим Бога о чём-то, а Он не откликается, не скорби. Ведь ты не умнее Его. Чем дольше Он не даёт, тем больше даст».

Антон Михалыч по привычке глаза в потолок упёр, чтоб помечтать о будущих милостях, но дверь вдруг с грохотом распахнулась, и в комнату ввалился здоровенный, краснощёкий молодец в распахнутой шубе.

— Ага, — говорит, — так-так-так...

Огляделся, мимо Антона Михалыча прошёл так, будто это стул какой, во вторую комнату вошёл, руки в боки, мокрые сапоги на скатерти с книгами.

Антон Михалыч помалкивает. Разные заказчики бывают. Пусть и не здороваются, лишь бы за работу платили. А молодец тем временем уселся задом на стол,

достал из кармана вчетверо сложенную бумагу, неспешно развернул её и только тогда повернул голову к хозяину.

— Я — купец Антипов. А ты...

— Якушкин, переплётчик. Антон Михалыч.

— Стало быть, отец твой — Михайло Якушкин, так?

— Стало быть, так, — оробел Якушкин.

— А если так, слушай, что в этой бумаге написано.

«Расписка.»

Я, Михайло Якушкин, если не отдам в срок взятые взаймы у купца Антипова Ивана Петровича 150 рублей, то пусть он отымет у меня дом о двух комнатах. О чём и расписуюсь».

— Отец твой месяц как помер, а расписочка жива. Я её вчера в железной шкатулке сыскал.

— Я ничего про этот долг не знаю... — пролепетал Антон Михалыч. — Отец давно умер, мне ничего не сказал.

— Я в твоём домишке лавку открою, — не слушая его, говорит купец. — В той комнате товар будет, а в этой приказчика посажу.

— А я к-куда? — потерянно спросил Антон Михалыч.

— А я почём знаю! Гы-гы-гы! Мог бы сейчас тебя выпнуть, однако поживи ещё два дня, пока я из Самары с товаром не вернусь.

И, гордясь своей добротой, ушёл.

Антон Михалыч невидящим взглядом уставился в потолок, и только одна глупая мысль шевелилась у него в голове: «Служил три лета, а заслужил три репы».

— При чём тут репы!! — в отчаянии закричал Антон Михалыч. — Господи, куда же я теперь?! А книги, а материал, а станок куда?

— Не отчаивайтесь, уважаемый Антон Михалыч! — сказал невесть откуда взявшийся высокий худой человек с чёрными глазами. — Не знаю, что у вас стряслось, но поверьте, всё в мире можно поправить, переиначить, сделать правду неправдой, а долг обратить себе на пользу!

— Вот-вот! Долг! — вскричал Антон Михалыч. — Откуда он взялся?!

И ни с того ни с сего рассказал этому странному незнакомцу про свою беду.

— М-да... — прищурился гость. — Знаю я этого Антипова. Живёт он в отдельном доме номер 18, что на Сретенке. Не одного вас он по миру пустил — для него это так же просто, как спичку зажечь. Стольким людям зло причинил, что если б кто-нибудь его самого обидел, несомненную пользу обществу принёс. Да... Вот если б кто бумажечку-то вашу у него из шкатулки вынул да и сжёг, вот и не было бы никакого долга!

— Да как же можно вынуть?! — всплеснул руками Антон Михалыч. — Это что же, украсть, что ли?! Да я в жизни ничего — вы слышите, — ничего никогда чужого не брал!

Обернулся, а в комнате никого нет. А может, и не было? Сам с собой он говорил, что ли? А кто же тогда сказал: «Дом номер 18 на Сретенке»?

Два дня взопревший Антон Михалыч бегал по своим заказчикам, умолял одолжить ему денег, но никто не дал, зная, что никогда не возвратит он такой суммы.

И вот вечером в среду сел он не раздеваясь прямо на книги, ногти грызёт и думает: «А ведь и впрямь выхода у меня нет, как только забрать эту бумажку из шкатулки. На меня никто не подумает, я на хорошем счету, а этот мироед не обеднеет без моих «хором». И в городе его нет, дом пустой, и никто не увидит...»

И так до самой ночи себя уговаривал и уговорил. Огарок свечи со спичками в карман пальтишка сунул, к Богородице обернулся — перекреститься на дорожку — и отёрнул руку ото лба.

— Что же я, злодей, на такое дело благословения прошу?

Ну и пошёл в ночь. Морозец за уши дерёт, а он и не чувствует — так волнуется. Два раза вокруг того купеческого дома обошёл, все окна тёмные, слуги, видать, спят. Вдруг одна из дверей тихонько отворяется, и из неё, кутаясь в тёмный платок, девка, озираясь, во двор вышла и за ворота. Видать, к ухажёру полетела, а дверь не заперла за собой.

— Надолго ли девка убежала? — мелко дрожа, шепчет Антон Михалыч. — Не успею, нет, не успею! —

А ноги, неведомо как, сами к двери подвели, через порог шагнули и на второй этаж по тёмной лестнице доставили.

Постоял не дыша, послушал, вроде тихо. Темнота понять не даёт, где опочивальня купца. Трясущейся рукой свечу вытащил, зажёл, а огонёк в той темноте такой яркий вспыхнул, что Антон Михалыч с перепугу его большим пальцем маленько прижал и чуть не заорал от боли.

Глаза зажмурил, губу до крови прикусил, а в голове молнией сверкнуло: «Если и одной малой секунды не могу пламень этот выдержать, как же в аду, после кражи-то, вечную муку терпеть буду?!»

Кубарем скатился с лестницы — и за ворота. Да как вовремя! К парадному крыльцу извозчик подкатил, и из саней тот самый купец выбрался. Сейчас же в доме шум, гам, огонь во всех окнах — хозяин раньше срока вернулся.

Антон Михалыч нёсся по ночным улицам так скоро, что злые собаки и не пытались его догнать.

Дома, стоя на коленях перед иконой, тяжело дыша, истово молился:

— Слава Тебе, Господи! Слава Тебе! Сохранил душу мою и совесть в чистоте! Не отринул меня, грешного, но даровал мне исцеление от искушения. Опаляй и впредь грехи мои, Господи, и не остави меня в осуждении.

Так, бедный, и уснул в пальто прямо на полу. А под утро вдруг стук в дверь, и входит тот краснощёкий купец,

но уже не как в первый раз, а с поклоном и уважением и говорит смущённо:

— Слышь-ка, Антон Михалыч, конфузия какая вышла. Поехал я в Самару и отцову амбарную книгу с собой взял, чтоб с тамошних купцов долги собрать. Стал листать её, а оттедова листок летит. А в нём, глянь-ка, Михалыч, чего написано:

«Я, Михайло Якушкин, деньги, которые у купца Антипова 150 рублей взял, до срока сполна возвращаю. В чём и расписуюсь».

И моего батьки расписка, что получил, тоже есть. А, Михалыч? Чего сидишь, не радуешься? У нас, купцов, честь превыше богатства. Вот гляди, обе эти бумажки рву, и живи ты здесь со своими книжками сколько хошь.

Бросил бумажки на пол и ушёл. А Антон Михалыч, ползая на коленях, все бумажки собрал, сложил, как было, и читает по слогам, будто неграмотный. Когда же до подписи отцовой добрался, видит под ней число: «Декабря 20, года 1911».

— А отец-то за десять дней до этого помер, — похолодел Антон Михалыч. — Кто же за него расплатился?..

Аркадий же с Фёдором, не откладывая на потом, пошли в гостиницу «Англетер», где в большом, затенённом зале проходил спиритический сеанс. За громадным круглым столом, покрытым чёрным бархатом, сидели, сцепившись руками, бледные, с застывшими глазами мужчины и женщины и, будучи в гипнозе, напряжённо слушали холодный, нечеловеческий голос, исходящий от старой, похожей на лесную ведьму прорицательницы.

Она сидела в глубоком кресле, бессильно опустив руки. Глаза её были закрыты, посиневшие губы плотно сжаты. Кто же говорил вместо неё? Кто заставлял трестись тяжеленный стол? Кто невидимо поднимал в воздух карты, гасил и зажигал свечи, чертил на столе мелом непонятные магические значки? Свинцовая, гнетущая тяжесть парализовала волю Аркадия и Фёдора и заставляла подчиниться властному, жестокому голосу.

— Подойдите к столу и положите руки на мою печать! — приказал голос, и молодые люди, как лунатики, медленно подошли и положили руки на холодно мерцающую перевернутую звезду.

— Вы хотите знать свою судьбу. — Колдунья приоткрыла бесцветные глаза, пытливо оглядела молодых людей и вновь как бы помертвела. Голос же — откуда-то издалека — изрёк: — Ты, художник, прославишься, будешь знаменит и богат! Твои картины будут во всех музеях мира. Ты, писатель, умрёшь в нищете и забвении, потому что никто не будет читать твоих книг!

Бог не допускает видеть нам падших бесов, иначе бы все в том зале увидели тьму безобразных существ, бесшумно носящихся над головами людей и беззвучно хохочущих над подавленным, обескураженным Фёдором и взволнованным, счастливым Аркадием.

Что же было дальше? Фёдор, и так склонный к меланхолии, с горя запил, писать совершенно бросил, зачем, мол, ведь всё без толку! Известно ведь, какая судьба у моих книг. И постепенно о нём все забыли.

Аркадий же, окрылённый обещанием чудесного будущего, зажил праздно и весело, рисовать почти перестал, зачем, мол, жизнь молодую в мастерской губить, всё равно ведь прославлюсь! Однако талант, Богом данный, каторжным трудом не взлелеянный, солёным потом не политый, всходов не даёт и чахнет, как нежный цветок без влаги.

Когда Аркадий опомнился наконец и непослушными руками за кисти взялся, с ужасом увидел: оставил его гений, и в отчаянии голову в петлю сунул, чем очень сатану потешил. Ведь самоубийство — это жертвоприношение сатане.

Вот и узнали они будущее своё. А всё могло быть иначе, если бы не пытались они Божий промысел изменить, как случилось с тихим Павлом, который кротко, не жалуясь на судьбу и на Бога, занятий своих музыкой не бросил и хоть не стал всемирно знаменитым композитором, пьесы его до сих пор на концертах исполняют.

Да... Не спит враг наш дьявол! Издревле низринут он из рая и потому до сих пор не позволяет никому восходить на небо, ввергая человека во всяческие грехи или же открывая ему будущее.

Зависть

Случилось это неподалёку от самого глубокого в мире озера Байкал. Жили здесь, в небольшом городке, две подруги. Одна — тихая и задумчивая Вероника, вторая — быстрая и весёлая Татьяна.

Не было дня, чтобы подруги не встретились, не пошептались про свои секреты. Одна другую ни разу не обидела — ни словом, ни делом, ни даже помышлением.

Всё бы хорошо, да только городок этот на женихов беден был, а девушкам уж по двадцать годков стукнуло. Но вот однажды, после проигранной нами афганской войны, вернулся сюда молодой офицер. Служить дальше он не мог: хромал от ранения, но вот местным молодухкам хромота эта геройская и brave усы помехой не стали, а даже наоборот.

Стали его на разные вечера и на ужины приглашать, где он, сначала стеснясь, а потом всё более возносясь, рассказывал доверчивым провинциалам о своих подвигах и наконец договорился до того, что если б не он, Владимир, душманы уже в Москве были.

Конечно, не влюбиться в такого героя могла только столетняя слепая старуха. Наши же подруги, Татьяна и Вероника, были от него без ума. Только о нём и говори-

ли: да как он глянул, как ус подкрутил, как задумчиво боевую песню под гитару пропел. Однако в двух разом нельзя влюбиться, а вот в одну, а именно в Веронику, этот офицер влюбился и через неделю предложение сделал. Родители были польщены, Вероника счастлива, отвергнутая Татьяна сочла себя оскорблённой, будто пощёчину ей при всех залепили, и, обидевшись на весь белый свет, перестала бывать на людях и даже на свадьбу к бывшей подруге не пошла.

Сидит взаперти в своей комнате, плачет, не ест, за собой не следит. А зачем? Всё равно вся жизнь коту под хвост. А бес зависти тут как тут! Заботливый такой, участливый. Сидит пригорюнившись и шепчет ей на ухо:

— И какая же ты несчастная! И какая же ты одинокая, всеми брошенная! И на кого же он, изменник хромой, тебя променял! Да разве сравнить тебя с этой белобрысой Вероникой? У тебя-то волосы как волна по плечам разлилась, а брови-то, брови густые, соболиные, сразу породу видно. Не то что у этой деревенской — три волосинки над глупыми глазами торчат. А у тебя глаза-а-а — ни у одной заморской артистки нет таких! А кожа-то, кожа! Не то что у этой, вся веснушками забрызгана!

Не-е-ет, не мог Владимир так просто от такой красоты отвернуться... Это его Вероника каким-то заговором приворожила. Не иначе!

— Да-а... да-а... приворожила, — как в тумане шепчет Татьяна. — Вот оно что!..

— Ладно бы она только Владимира околдовала, — наседает бес, — она и на тебя порчу навела. Глянь-ка в зеркало! Видишь? Круги чёрные под глазами, морщинки скорбные возле рта, осунулась, похудела. Всю красоту твою она по капельке выпивает, вон какая ходит здоровая и весёлая, над твоим горем потешается. Бедная ты, бедная! Скоро так тебя иссушит, платья как на вешалке висеть будут.

Татьяна в зеркало глянула — и не узнала себя. Какая-то незнакомая девица тяжёлым, угрюмым взглядом на неё уставилась, и двадцать лет ей никак не дашь.

— Вот что она со мной сделала, ведьма...

— И за что, за что?! — не унимается подлый бес. — Тебя, такую добрую, такую ласковую, со свету хочет сжечь! Хохочет небось над тобой, целуется со своим красавцем, а ты со своей скромностью чахнешь здесь.

— У-у, змея! — гневно сжала губы Татьяна.

Глаза у неё вдруг стали узкими и жёлтыми от ярости, а внутри такой адский пламень зависти вспыхнул — всё хорошее, что в душе до сих пор цвело, вмиг обуглилось и почернело.

Бес доволен! Ногами сучит, хвостом вертит, чёрным язычком щёлкает! Ведь такое жилище для него Татьяна сама приготовила, да так скоро! С другими годами возиться приходится.

— Так, так, милая! — подзадоривает поганый. — Нельзя этой гадюке прощать! Как она тебе, так и ты ей отплати. Она жениха к себе приворожила, и ты его тем же манером перемани!

Татьяна с деньгами к бабке-ворожейке под вечер, чтоб не видели, явилась. Бабка страшна, как кикимора болотная! Вся в бородавках, глаза мутные, как лужи, голова трясётся, на весь рот два жёлтых зуба, как у змеи, торчат.

— Не робей, — шепчет бес, — вот такая-то и может навечно приворожить. Чем колдун страшней, тем крепче слово его!

Бабка всё про Веронику с Владимиром вызнала, деньги за телевизор схоронила, заставила Татьяну крестик с себя снять, а то он ворожить мешает, и такой завывальный шабаш с палёной серой, толчёными волчьими зубами и плевками по углам закатила, что под конец от своего бесовского усердия на пол без сил повалилась.

— Всё-о-о!! — хрипит. — Твой он теперь, как прилитый к тебе будет.

И влилась её ядовитая ворожба в сердце Владимира, стал бес его искушать. Попустил Господь ему такое искушение, а он и не справился с ним. Стал Владимир сердиться по пустякам, ссориться с женой, видеть в ней только плохое и в конце концов ушёл из дому.

Недолго одиноким гулял, с Татьяной сошёлся. Татьяна рада! Каждый день зачатой подружке звонит: что, мол, получила?

Что же Вероника? Конечно же, плакала и убивалась, но батюшка в церкви не позволил ей отчаиваться и наказал ей молиться за обидчиков своих и простить их, иначе душу свою погубишь.

— Да как же, батюшка, я за них молиться буду? Они же от молитв моих ещё злее стать могут и ещё больше вредить станут!

— Молиться за врагов своих надо не за умножение их злобы, а умножение их любви и искоренение ненависти. Начинай свой день с молитвы о ненавидящих и обидящих тебя, иначе о мести начнёшь думать и на их путь сама встанешь.

Так Вероника и стала делать. Свет в храме от свечи, а в душе от молитвы, и у неё от этой простой, бесхитростной молитвы душа освещалась.

— Господи! Ненавидящих и обидящих нас прости! От всякого зла и лукавства ко братолюбию и добродетельному настави жительству. Смиренно молю Тебя: не дай ни единому из них погибнуть ради нас, но всем спасись благодатию Твоею, Боже Всещедрый!

Но, видно, мерзкий бес уши Владимиру паклей законопатил, душу камнем заложил. Не дошли до него молитвы. Трёх месяцев не прошло, как и Татьяна ему в тягость стала. Орал на неё, бил даже и тоже ушёл к другой женщине.

От ворожбы счастья не жди. Кто на другого сглаз насылает, сам от него умирает. Вот и Татьяна слегла.

Что с ней, врачи понять не могут. Высохла вся, пожелтела, как старая бумага, не встаёт почти, но в глазах по-прежнему ненависть полыхает.

Что с ней было, когда Вероника с цветами навестить её пришла! Просто взбесилась.

— А-а-а! — шипит. — Цветочки на мою могилку принесла! Не дождёшься, тварь, я ещё тебя переживу!

— Да что ты, Танечка! Что ты говоришь? — чуть не плачет Вероника. — Я помочь тебе хочу. Ну что теперь злиться? Ни у меня, ни у тебя Владимира теперь нет. Чего же нам делить, зачем ссориться? Давай я у тебя приберу, поесть тебе приготовлю...

— Не-е-ет!! — как ужаленная завизжала Татьяна. — Обед она приготовит! И мышьяку в кастрюльку, да?! Ничего мне от тебя не надо! Пошла прочь отсюда!! Добренькая какая!

Да... Злой, завистливый человек видит всех такими, каков сам есть. И это естественно, ведь больной желтухой видит всех жёлтыми.

Бедная Вероника, плача, о своём горе священнику рассказала. Он повздыхал, погладил её по голове и сказал:

— Псы, когда их кормят, делаются кроткими. Львы, когда за ними ходят, делаются ручными, а завистник ещё больше свирепеет, когда ему добро оказывают. Бес зависти добра не выносит. Если не покается твоя подруга в этом грехе, сгорит в своём же пламени.

Так и случилось. Довёл-таки бес Татьяну до смерти и, как ворон с добычей, помчался с её душой в преисподнюю, но Ангел Господень ему дорогу заступил.

— Отойди! — злобно верещит бес. — Наша она!

— Почему ваша?! — грозно сказал Ангел.

— Да потому что завистница!

— А-а... — вздохнул Ангел. — Забирай.

Завистник никогда не попадёт на небо, ведь и там он не радовался бы, а отравлялся блаженством других.

Чудо у Чёрного камня

Жили-были муж и жена. Жена хорошая, тихая, набожная, а мужик сначала тоже ничего был, а потом бес его зелёный попутал, стал потихоньку спаивать и довёл до того, что мужик всё в доме пропил.

Сидит однажды в кабаке, ничего ему не подносят, и думает: «Эх, кабы кто графинчик поставил — жену бы отдал».

Только подумал, глядь — а рядом уж сидит какой-то усатенький, и откуда он взялся-то?

— Что, — говорит, — выпить хочешь, а не на что?

— Да, — вздыхает мужик, — кто бы дал денег, я б ему жену продал.

— Я тебе дам! А жену приведёшь тогда, когда всё до копейки потратишь, и в тот же день, как солнце сядет, оставь её у Чёрного камня, что у гиблого болота.

Накрыл усатенький кепку мужика своей сухонькой рукой с жёлтыми ногтями, и сейчас же в ней серебро зазвенело! Началось у мужика веселье каждый день, а если ноги ещё таскали, то и ночь. А деньги-то тают и тают, тают и тают и совсем растаяли.

В тот же вечер говорит мужик своей жене:

— Собирайся, пойдём к Чёрному камню. Мне один дружок по пьянке проболтался, что под камнем клад спрятан. Откопаем и заживём безбедно.

Ничего не сказала жена, только посмотрела на него печально-печально, платок тёмный накинула, и пошли они. А идти надо было мимо Церкви Рождества Богородицы.

Вот жена и говорит:

— Подожди меня здесь, а я схожу помолюсь, чтоб клад этот нам достался.

Вошла она в храм, подошла к алтарной чудотворной иконе Богородицы и стала, бедная, со слезами молиться, да не о кладе, а чтоб спасла Богородица её беспутного мужа. И так долго она молилась, что села без сил на скамью и уснула незаметно.

Пресвятой Богородице стало так жаль эту женщину, что Она сошла с иконы, накинула на себя её платок и вышла на улицу к ожидавшему мужику. Тот впотьмах ничего не заметил и повёл её к Чёрному камню.

Только они пришли, как подул сильный ветер, зашатались вековые дубы, и из леса вылетел и сел на камень дух злобы, тот самый усатенький, что к мужику в кабаке подсел. Был он не как прежде — в пиджаке с пуговицами, а в своём козлином обличье — мохнатый, рогатый и с хвостом.

— Привёл, — вопит, — жену?!

9270

А у мужика от ужаса волосы дыбом, стоит как пень, а бес прыг к Богородице и только Её за руку цапнуть хотел, как скинула Она с себя платок и осенила беса крестным знаменем. Будто вихрем чёрта назад отбросило и башкой об камень треснуло.

— Ты кого привёл?! — визжит. — Богородицу привёл, мать Иисусову!! — Завертелся волчком на одном месте и с визгом в лес улетел.

Богородица в тот же миг пропала, а мужик с вытаращенными глазами, на коленках, один возле камня остался. Дошло до него наконец, кому он жену продать хотел и кто спас её. Ткнулся головой в землю, помолился и побёг из лесу без оглядки, а когда с церковью поравнялся, оттуда жена его вышла, взяла его под руку, и пошли они домой как ни в чём не бывало.

С тех пор мужик пить бросил и жену не обижал — боялся, ведь сама Богородица за неё заступилась.

Параскева Пятница

Много веков назад, когда святая великомученица Параскева Пятница отошла к Господу, а тело покоилось в храме, город, где она жила, осадили жестокие сарацины.

Несчастные жители укрылись за каменными стенами и со слезами молили Бога пощадить их — уж больно силен и свиреп был враг.

Глубокой ночью в том храме, где лежала в гробу святая, вдруг сами собой вспыхнули все свечи, бесшумно отворились тяжёлые двери, и в собор вошли два чудных образом Ангела.

— Вставай, Параскева! — сказали они. — Господь послал нас забрать тебя, ибо обречён этот город и завтра будет погублен.

Параскева встала из гроба, скорбно выслушала Божьих посланцев, заплакала и сказала:

— Не уйду из города этого, а останусь с его людьми, ибо не хочу бросать их в беде.

— Не гневи Господа, Параскева! — грозно сказали Ангелы. — Не перечь воле его!

Но не послушала их Параскева, легла опять в гроб, и все свечи тотчас погасли.

Хоть и рассердился на неё Господь, однако решил покарать безбожных сарацинов. Рано утром обрушились на них с неба страшный гром, сверкающие молнии и раскалённые камни, но, видно, сатана, покровитель сарацин, не дал им всем сгинуть и тайными ходами впустил в город.

Мало было сарацинскому царю крови и награбленных сокровищ, решил он увезти в свою страну и святыню — гроб с Параскевой Пятницей.

Однако случилось чудо. Сколько бы лошадей ни впрягали в повозку, не могли сдвинуть её с места!

Тогда опозоренный царь милостиво разрешил горожанам выкупить свою святыню.

— Принесите мне столько золота, сколько она весит, — велел хитрец.

Каждый житель, любя святыню, принёс спрятанное на чёрный день. И когда ничего более не осталось у них, положили всё золото на одну чашу весов, а Параскеву — на другую. И вновь свершилось чудо! Чаша с золотом перевесила. Тогда сняли часть золота и вновь взвесили, и опять оно перевесило. И так снимали и снимали до тех пор, пока на чаше не осталось всего три золотых монеты.

Сарацинский царь, поражённый этим чудом, спешно покинул город, а нетленные мощи святой Параскевы Пятницы до сих пор покоятся там же и совершают множество чудесных исцелений больных.

Плачущий Ангел

На Новый год к бабушке Акулине в маленькую деревню приехала внучка Маша. Через три дня родители уехали в город, а Машу на неделю оставили.

Маше очень нравилось, когда бабушка называла её по-взрослому: мать моя.

— Ну, мать моя, подымайся.

— Так рано?!

— Как рано?! Куры уж два яичка тебе снесли, а Васька усатый мыша поймал.

— Тоже мне? — хитро прищурилась Маша.

— Вставай, вставай, соня, а то я в церковь опоздаю.

— А я? Ты что же, меня не возьмёшь?

— Да ведь, мать моя, родители твои строго-настрога мне перед отъездом наказали ни про Бога, ни про церковь тебе не рассказывать.

— А почему?

— Потому, мол, что Бога нет, а в церковь только неграмотные старушки ходят.

— А на самом деле Бог есть?

— Конечно, есть, — перекрестилась бабушка, — вот Он, — и показала на тёмную икону в углу.

Маша в длинной белой рубаше прошла через всю избу к иконе, влезла на стул и долго глядела на кроткую красивую женщину с ребёнком на руках.

— Вот этот маленький мальчик — Бог? — удивилась она. — А это его мама?

— Да. Младенца зовут Христом, а Богородицу, как и тебя, — Мария.

— Правда?! — ахнула Маша.

Маленький тёплый огонёк от лампы вздрогнул, и в его неверном свете Маше показалось, что Богородица чуть заметно улыбнулась. Она удивлённо оглянулась на бабушку: видела ли она, но бабушка старательно отрезала от каравай душистые ломти чёрного хлеба.

— Ну ты пока ешь, а я в церковь схожу. Праздник сегодня большой — Рождество Христово.

— А где Он родился, в Москве?

— Нет, в жаркой стране Палестине, в простой пещере, где коровы да козы жили.

— Если ты меня с собой не возьмёшь, — серьёзно сказала Маша, — я вот так, босая, в одной рубаше, выйду на двор и зачоченею на холоде.

— Что ты, что ты, мать моя! — испугалась бабушка. — Ладно уж, пойдём.

Ах, какой чистый, искристый снег засыпает на Рождество всю Россию! Идут Машенька с бабушкой по белому хрустящему ковру в церковь, а за ними толстый Васька торопится, будто его звали.

На краю села, на белом пригорке, ждала их маленькая разрушенная церковь. Ни крестов, ни куполов, ни самой крыши на ней не было. Одни стены. Снег тихо кружился внутри церкви и падал на седую голову старенького священника. Он стоял по колени в снегу, а в руках держал праздничную икону.

Мягкий тёплый свет шёл от неё. Ни одна снежинка не упала на счастливую Богородицу, лежавшую в пещере рядом со спелёнутым Младенцем.

«Как хорошо, что маленький Христос не в России родился, — думала озябшая Маша. — Он бы у нас замёрз. И в пещерах наших не коровы, а волки живут».

После молитвы батюшка сказал:

— Братья и сёстры! Семьдесят лет назад пришёл в Россию антихрист и внушил неразумным детям её сатанинские помыслы, и стали они уничтожать друг друга, веру христианскую и святые церкви. Вот и наша церковь сколько лет калекой простояла, и не позволяли нам помочь ей и молиться здесь.

Горячая капля упала сверху на Машину щеку. Она удивлённо подняла глаза и увидела, что бабушка Акулина, низко опустив голову, горько плачет.

— Бабушка, ты чего? — прошептала Маша.

— Но вот вчера, — продолжал священник, — перед Светлым Рождеством Христовым отдали нам церковь и позволили отремонтировать её. Только вот денег не дали, — смущённо закончил батюшка.

— Ничего, отец Александр, не печалься, — бодро сказал дед Степан. — Бог нас не оставит, да и мы святому делу поможем.

Он сунул два пальца за рваную подкладку старой, как он сам, шапки и выудил оттуда 10 рублей. Видать, от старухи спрятал для каких-то своих дел.

— А ну, православные, поможем кто чем может, — и бросил в шапку свою заветную десятку.

Потянулись к шапке руки с рублями немногих стариков, что пришли в церковь, а бабушка Акулина торопливо развязала свой белый платочек, достала аккуратно сложенные деньги и сунула Маше в руку.

— Пойди, положи в шапку.

— Не... Я боюсь. Ты сама положи.

— Мне нельзя, — горестно сказала бабушка и подтолкнула Машу к деду Степану.

— Тебе кто же, красавица, столько денег дал? — удивился дед.

— Бабушка Акулина, — испугалась Маша.

— Ой, Акулина, никак, всю свою пенсию отдала? — ахнула тётка Варя. — На что жить-то теперь будешь?

— Да козу продам или кур, — смутилась бабушка.

— Спаси тебя Бог, Акулина, — тихо сказал священник. — А как внучку-то звать?

— Мария.

— Ты первый раз в церкви?

— Да, — пролепетала Маша.

— Ну вот, не только Христос сегодня родился, но ещё одна христианская душа. — Потом наклонился и сказал ей тихонечко на ушко: — Ты сегодня попроси у Господа что хочешь, и Он обязательно это исполнит.

— Правда? — удивилась Маша.

Когда шли домой, Маша часто поглядывала снизу на бабушку и всё хотела спросить её, но та шла молча и о чём-то думала. Наконец Маша не выдержала:

— Бабушка, а почему тебе нельзя деньги в шапку класть?

Бабушка остановилась, оглянулась на церковь и сказала:

— А потому, что церковь эту муж мой с товарищами своими разорил.

— Дедушка Ваня?! — испугалась Маша.

— Да. Приехал в 20-м году из города какой-то начальник с наганом, собрал их, дураков молодых, сказал, что Бога нет, и приказал. А они и рады стараться. С хохотом крест наземь своротили и крышу раскидали.

Маша, не веря, стояла с открытым ртом.

— А потом?

— А потом, через много лет, прибежал мой Ваня как-то вечером с поля белый как снег, дрожит весь. Что такое? — спрашиваю. А он, будто безумный, на меня глядит и шепчет: «Иду я, — говорит, — сейчас мимо церкви, смотрю, возле неё кто-то в длинной белой рубахе стоит. Что такое? Подошёл, гляжу: какой-то парнишка.

Волосы будто золотые, лицо какое-то невиданное, и плачет. «Тебя кто обидел?» — говорю. А он мне: «Ты, Иван!» — «Как это?» — спрашиваю. «Ведь это ты сломал мою церковь!» — говорит. «Да ты кто?» — «Я, — говорит, — Ангел её». И исчез. Это что же, Акулина, значит, Бог есть?»

И с той ночи спать перестал, а потом заболел и умер. А перед смертью так плакал, бедный...

До самого вечера Маша сидела у окна, думала и рассеянно гладила разомлевшего от счастья толстого Ваську.

— Ну, мать моя, — сказала бабушка, — одевайся. Пошли по обычаю родителей греть.

— Кого греть? — не поняла Маша, но быстро оделась и на двор выскочила.

А посередине синего-синего от луны двора куча старой соломы лежит. Бабушка перекрестилась и зажжённой свечой подожгла её.

Жаркий огонь охватил сено, высокий столб белого дыма взвился в чёрное звёздное небо.

— Ой, бабушка, гляди! — вскрикнула Маша. — По всей деревне костры зажгли!

— Вот и хорошо, вот и погреем на том свете родителей своих.

— А... дедушку тоже погреем? — неуверенно спросила Маша.

Бабушка глядела в то место на небе, куда упирался столб дыма, и тихонько кивала.

«Может, она там своего Ваню разглядела?» — подумала Маша и спросила:

— А ты дедушку простила?

— Я-то простила, а вот Господь простил ли? Не наказал ли его на небе какой страшной карой?

Когда вернулись с мороза в тёплую избу, бабушка из таинственного тёмного подпола принесла большую миску квашеной капусты с красными капельками клюквы и тугих мочёных яблок, а из печи вытащила крепенький, поджаристый пирог с грибами.

— Ну, внученька, со Светлым Рождеством тебя! — улыбнулась бабушка. — А вот от меня подарочек.

И подала маленький свёрточек.

Маша осторожно развернула пожелтевшую газету и ахнула. Кроткая Богородица с младенцем на руках застенчиво улыбалась ей с маленькой иконы.

— Бабушка, — не сводя глаз с Христа, тихо спросила Маша, — я уже могу попросить у Него?

— Проси, проси. Он никогда детям не отказывает.

— Дорогой Господи! — с верой сказала Маша. — Пожалуйста, не ругай на небе моего дедушку. Прости его. А я Тебя буду любить сильно-сильно. Всю жизнь. Твоя Мария.

Бражник в раю

Послал Господь Ангела взять душу бражника, горького пьяницы, и поставить его у ворот пречистого рая, посмотрим, мол, что он делать станет.

Стал бражник толкаться в ворота пречистого рая, а за воротами апостол Пётр спрашивает:

— Кто это там в ворота толкается?

— Это я, бражник, и желаю с вами в раю жить!

— Иди отсюда! — рассердился Пётр. — Здесь бражники не водворяются, а только в аду.

— Господин мой, голос твой слышу, а лица не вижу и имени твоего не ведаю, — смиренно говорит бражник.

— Я — Пётр-апостол, который имеет ключи от сего рая.

— Помнишь ли ты, господин мой Пётр, когда Господа нашего Иисуса Христа на судилище повели и тебя вопрошали: ученик ли ты Его, а ты трекратно от него отрёкся? Если б не слёзы твои и покаяние, не быть тебе в раю, а я хоть и бражник, но от Господа не отрекался.

Устыдился Пётр и отошёл от ворот рая. Во второй раз бражник толкается в ворота. Подошёл мудрый царь пророк Давид и спрашивает:

— Кто там толкается в ворота пречистого рая?

— Это я, бражник, и желаю с вами в раю жить!
 — Отойди отсюда, человек! Здесь только праведники живут, а вам в аду уготована мука вечная.

— Господин мой, голос твой слышу, а лица твоего не вижу и имени твоего не ведаю, — покорно говорит бражник.

— Я есть царь и пророк Давид.

— А помнишь ли ты, царь Давид, как слугу своего Урию на войну усла и повелел его там смерти предать, а жену его к себе в прелюбодеяние принял? Если бы не слёзы твои и покаяние, не быть тебе в раю.

Смутился царь Давид и отошёл от ворот.

В третий раз стал толкаться в ворота бражник.

Подошёл к воротам Иоанн Богослов и спрашивает:

— Кто стучится в святой рай?

— Это я, бражник, и желаю с вами в раю жить!

— Уйди отсюда, грешник! Не здесь твоё место, а в огне крошечном.

— Господин мой, голос твой слышу, а лица твоего не вижу и имени твоего не ведаю.

— Я — Иоанн Богослов, любимый ученик Христа.

— О, господин мой Иоанне Богослове! Не сам ли ты написал в Евангелии, что любите друг друга? А сам ныне меня ненавидишь и от ворот гонишь! Или отрекись от письма руки своей, или вырви лист, тобой написанный.

Покраснел Иоанн и отошёл от ворот, а Господь улыбнулся и велел Петру выпустить бражника.

Чудесные очки

Давным-давно жил на свете человек, который очень хотел при одном только взгляде на кого-нибудь узнавать, добрый он или злой, тёмная или светлая у него душа и что таит он в сердце своём.

И вот однажды чудесным образом приобрёл он очки, которые помогли ему сделать это. Но о ужас! Надевши их, он уже не смог снять их, и все люди предстали перед ним не в лучшем виде. Оказалось, что плохих, порочных, злых сердцем и порочных душой гораздо больше, чем хороших людей.

Человек этот очень опечалился, стал сторониться людей, а они его. Постепенно он остался совсем один, и тягостные мысли заставили его задуматься о смерти, потому что жить в таком страшном мире ему не хотелось.

И вот однажды, во время таких раздумий, явился ему блистающий грозный Ангел и сказал:

— Ты ищешь в других совершенства, но взгляни на себя! А потом, если посмеешь, осуди их.

И коснулся чудесных очков, и сейчас же человек этот увидел самого себя, свою душу, сердце и помыслы. Это было так далеко от совершенства, что человек в ужасе воскликнул:

— Боже! Какой же я грешник! Прости меня!

Очки упали к его ногам и рассыпались в прах.

— Что же мне делать теперь, Господи? Как жить?

— Не возноси себя, прощай людям их слабости и будешь счастлив, — сказал на прощание Ангел и исчез.

Книжная помощь

В одном безызвестном городке жил молодой, крепкий мужик, однако таким праздным лентяем был, что и сам вспомнить не мог, работал он когда хоть день или нет.

Ходит день-деньской по знакомым и канючит: вот, мол, судьба какая горькая выпала, ни денег у меня, ни работы, ни дома, ни семьи, а люди вокруг злые, не помогают, а если кто и даст займы, потом целый год помнят и напоминают.

Уж все перестали его к себе пускать — надоел хуже горькой редьки. Один старенький священник терпит и одалживает ему сколько может. Мужик и зачастил к нему: дай да дай, а если мало покажется, так глянет — бедный батюшка весь день виноватым ходит.

Вот однажды вместо денег вынес ему батюшка священник Молитвослов и говорит:

— Прочти это, Илюша, и на сороковой странице помощь найдёшь.

На следующее утро стучится этот мужик.
 — Ну что, — спрашивает батюшка, — помогло тебе чтение?
 — Не помогло, — вздыхает.
 — Да ты открывал ли книгу сию?
 — Как же, открывал. А толку-то?
 — И на сороковой странице читал?
 — Ну читал.
 — Нет, не открывал ты книги и не читал ничего, — нахмурился батюшка.

Открыл он книгу и там, на странице, где молитва Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь мне», лежала десятирублевая ассигнация.

Душа с очами

В глухом лесу, в забытом мире скиту, жили два монаха. За одним монахом, когда он по лесу тихонько шёл и ягоды собирал, всё зверьё, какое рядом было, как собачонки, бежало, а кто помельче: белки, куницы, зайцы,

ежи, вцепившись зубами или лапами в его ветхую рясу, как шишки на ёлке, висели, закрыв глаза от блаженства.

Другой же и хлеб в лес носил, чтоб зверей кормить, и говорил с ними ласково, а только не шли к нему звери и с опаской из-за деревьев на него глядели.

— Что ж это, брат?! — сердился этот монах. — Зла я им не делаю, а не подходят ко мне, как к тебе!

— А что ты про них думаешь, когда не идут они к тебе?

— Вот, думаю, твари неблагодарные! Кормишь вас, кормишь, от себя последнее отрываешь, а вы, поганцы, всё равно меня не любите!

— Невозможно, брат, заставить любить себя никакими дарами. Ведь если можно скрыть от детей и зверей недобрые поступки, то дурные помыслы — нет. У них душа с очами.

Лампада горит в церкви несмотря на то, есть ли там народ или нет. Так и люди должны творить добро, не думая о том, смотрит ли кто на них или нет.

Не говори ни слова, когда оказываешь милость, но не молчи, когда тебе делают добро.

Лев

Очень давно в жаркой пустыне жили монахи. Об одном из них далеко вокруг разнёсся слух, что он святой и ничто не может причинить ему зла.

Монах этот очень страдал и молил Бога не посылать ему искушения славой. И вот однажды пошёл он с молодым монахом через пустыню, натолкнулись на спящего льва и бросились бежать.

Молодой бежит и кричит:

— О великий учитель! Неужели и ты боишься?!

— Нет, сын мой, не боюсь. Но бежать мне нужно не от льва, а от своего тщеславия.

Нищий

Старый, оборванный нищий сидел возле дороги на горячем камне и плакал.

Несколько лет назад, когда он был богат и здоров, по слову Божию раздал он всё своё богатство нищим и вот теперь, одинокий и никому не нужный, вынужден сам просить милостыню.

Незаметно старик уснул и видит во сне Ангела, который говорит ему:

— Жалеешь ли ты, что добро людям сделал?

— Нет, не жалею.

— Тогда встань и иди и проси подаяние без скорби, ибо этим ты поможешь другим людям показать свою доброту.

Крест

Однажды один человек взмолился:

— Господи! Так тяжело мне! Такие испытания на меня возложил Ты, что изнемогаю я и нет у меня больше сил тащить этот непосильный крест! Молю Тебя: дай мне крест полегче этого.

— Хорошо, — сказал Господь и привёл его в большую пещеру высоко в горах.

В пещере висели, стояли и лежали на полу тысячи разных крестов: большие и маленькие, каменные и железные, неприподъёмные и лёгкие как пёрышко.

— Выбирай, — сказал Господь.

И человек, недолго думая, выбрал себе маленький деревянный крестик.

— Это и есть твой крест, который кажется тебе таким тяжёлым, — сказал Господь.

Сердце

У одной доброй, мудрой старушки спросили:

— Бабушка! Ты прожила такую тяжёлую жизнь, а душой осталась моложе всех нас. Есть ли у тебя какой-нибудь секрет?

— Есть, милые. Всё хорошее, что мне сделали, я записываю в своём сердце, а всё плохое на воде. Если бы я делала наоборот, сердце моё сейчас было бы всё в страшных рубцах, а так оно — рай благоуханный.

Бог дал нам две равно драгоценные способности: вспоминать и забывать. Когда нам делают добро, признательность требует помнить его, а когда делают зло, любовь побуждает забыть его.

Следы

Старый человек, умирая, вдруг увидел во сне всю свою жизнь в виде длинной цепочки следов на песке, а рядом с его следами шли ещё чьи-то следы.

— Да ведь это Господь рядом шёл! — догадался старик.

Но, к огорчению своему, увидел он также, что в тех местах его жизни, когда особенно тяжело ему было, только одни следы отпечатались на песке.

— Как же так, Господи? — с укором сказал старик. — В самые трудные годы бросал Ты меня!

— Нет, — ответил Господь с небес, — в те годы Я тебя на руках нёс...

От автора 5

Рассказы и сказки

Тридцать лет и три года (Илья Муромец) . . .	10
Муромское чудо (Пётр и Феврония)	54
Вера, Надежда, Любовь	96
«Аз воздам»	112
Сундук змей	117
Превращение	121
Как мужик Господа в гости ждал	123
Никола-поручик	126
Бревно	132
Живой покойник	136
Божья искра	143
Ожог	163
Предсказание	170
Зависть	175
Чудо у Чёрного камня	182
Параскева Пятница	186
Плачущий Ангел	188
Бражник в раю	195

Притчи

Чудесные очки	198
Книжная помощь	199
Душа с очами	200
Лев	202
Нищий	203
Крест	204
Сердце	205
Следы	206

Свидетельство ДК № 95 от 26.06.2000г.

Издательство ЗАО "Тираж-51".

Адрес издательства: 84313, Донецкой обл.,

г. Краматорск, ул.Орджоникидзе 10/4.

Издательство ЗАО "Тираж-51" - набор, верстка,
оригинал-макеты, художественное оформление,
подготовка текста, тиражирование, переплет, издание.

Отпечатано с готовых диапозитивов, изготовленных в
дизайн -центре издательства ЗАО "Тираж-51",
в типографии ЗАО "Тираж-51."

Подписано к печати 08.04.02г. Тираж 40000 Заказ8/04

Печать офсетная.

Адрес : 84313, Донецкой обл.,

г. Краматорск, ул.Орджоникидзе 10/4.

**Храм Святой Троицы
на горе Почаевской, построенный
Феодором и Евою Домашевскими (1649г.)**

**Перенесение Чудотворной Иконы
Богородицы на гору Почаевскую (1597г.)**